
Антология юридической науки

М. Д. Шаргородский

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Юридический центр Пресс

Антология юридической науки

Михаил Шаргородский
Избранные труды

«Юридический центр»

2004

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

Шаргородский М. Д.

Избранные труды / М. Д. Шаргородский — «Юридический центр», 2004 — (Антология юридической науки)

В сборник избранных работ М. Д. Шаргородского в области уголовного права включены фрагменты трех крупнейших монографий ученого – «Уголовный закон», «Преступления против жизни и здоровья» и «Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества», а также две главы из «Курса советского уголовного права». Почти полностью публикуется монография «Наказание, его цели и эффективность» (1973 г.), за исключением последней главы «Цели наказания в буржуазном уголовном праве и его эффективность». Публикуется также ряд теоретических статей М. Д. Шаргородского по проблемам, не потерявшим своей актуальности. Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и всех интересующихся вопросами теории и истории права.

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

© Шаргородский М. Д., 2004
© Юридический центр, 2004

Содержание

Жизнь и научная деятельность М. Д. Шаргородского	6
Учитель, ученый, гражданин (к 100-летию М. Д. Шаргородского)	12
Михаил Давидович Шаргородский был моим учителем и остается им	18
Незабвенный	20
Предмет, система и метод науки уголовного права[1]	21
§ 1. Понятие уголовного права	21
§ 2. Уголовное правоотношение	23
§ 3. Задачи советского уголовного права	28
§ 4. Принципы советского уголовного права	29
§ 5. Уголовное право в системе права	32
§ 6. Предмет и система науки уголовного права	36
§ 7. Наука уголовного права и смежные науки	40
§ 8. Метод науки уголовного права	44
Уголовный закон[83]	47
Глава I	49
§ 1. Понятие источника уголовного права	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Давидович Шаргородский

Избранные труды

© М. Д. Шаргородский, 2004

© Б. В. Волженкин, сост., предисл., 2004

© Ю. К. Толстой, 2004

© В. С. Прохоров, 2004

© В. И. Пинчук, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

* * *

*100-летию со дня рождения выдающегося ученого-криминалиста
Михаила Давидовича Шаргородского, издательство «Юридический центр
Пресс» посвящает настоящий сборник его избранных трудов*

Жизнь и научная деятельность М. Д. Шаргородского

В ряду выдающихся отечественных правоведов XX в. достойное место занимает профессор Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета Михаил Давидович Шаргородский.

Он родился 2 апреля 1904 г. в Одессе, в семье служащего, работавшего в частных книжных фирмах. Окончив 5 классов гимназии, профшколу и подготовительные курсы, в 1923 г. Михаил Давидович поступил учиться на юридический факультет Института народного хозяйства в Одессе, затем окончил аспирантуру того же института (1929 г.) и приступил к преподавательской работе. В те же годы (1928–1934 гг.) он работает старшим научным сотрудником, затем ученым секретарем Всеукраинского кабинета изучения преступности.

Уже в аспирантские годы М. Д. Шаргородский начинает активную научную деятельность. И если первая опубликованная работа «О праве собственности при купле-продаже в рассрочку платежа» была посвящена гражданско-правовым вопросам, то в последующих исследованиях молодой ученый обращается к уголовно-правовой и криминологической проблематике.

В эти годы были опубликованы научные статьи «О наказуемости полового сношения путем обмана» (1927 г.), «Должностное лицо и представитель власти» (1927 г.), «Субъект должностного преступления» (1928 г.), «Уголовная статистика» (1929 г.), «Преступность в Европе и в СССР» (1930 г.), монографии «Мошенничество в СССР и на Западе» (1927 г.), «Новый Уголовный кодекс УССР» (1927 г.) и ряд других работ. В этих ранних работах было сформулировано научное кредо М. Д. Шаргородского, которое он стремился воплотить и в последующих исследованиях, несмотря на все трудности, связанные с научной цензурой и идеологическим диктатом, существовавшими в стране в годы его жизни. «Центр особого внимания криминалиста, – писал автор в статье “Уголовная статистика”, – переносится сегодня с вопросов узкодогматического характера на вопросы социальные... Не просто квалифицировать преступление, а изучать его, исследовать закономерность его развития и зависимость от социальных явлений, найти наиболее правильные способы борьбы с преступностью как социальным явлением, знать законы и внутренние социальные причины, которые побуждают лицо на преступление... Решение этих задач требует исчерпывающего знания состояния преступности, и только в этом случае наука может своевременно сигнализировать о намечающихся тенденциях в развитии преступности».

В 1934 г. М. Д. Шаргородский переезжает в Ленинград, где работает в Юридическом институте доцентом, заведующим кафедрой уголовного права, деканом судебно-прокурорского факультета, заместителем директора института. В 1937 г. он защищает кандидатскую диссертацию.

В июне 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, М. Д. Шаргородский добровольно вступает в ряды Красной Армии и до июля 1942 г. находится на Ленинградском фронте в качестве члена Военного трибунала фронта. Затем он был вызван в Москву, где до февраля 1943 г. работал старшим консультантом правового отдела Совета Народных Комиссаров СССР, а позднее – членом Военного трибунала Московского военного округа, старшим инспектором-консультантом Главного управления военных трибуналов и начальником отдела подготовки кадров. Несмотря на занятость по службе, он не бросает преподавательскую и научную деятельность и работает и. о. профессора юридического института Московского университета и в Военно-юридической академии. Является старшим научным сотрудником Всесоюзного института юридических наук и готовит докторскую диссертацию о преступлениях против личности, которую блестяще защищает в марте 1945 г. Выступавшие на защите диссертации официальные оппоненты профессора М. М. Исаев, А. А. Герцензон, А. Н. Трайнин и неофициальные оппоненты профессора М. Н. Гернет и А. А. Пионтковский отмечали самостоятельность научного исследования, смелость и оригинальность автора в постановке и разре-

шении теоретических и практических проблем уголовного права, большую эрудицию соискателя, богатый русский и иностранный научный и законодательный материал, использованный им. Защита докторской диссертации М. Д. Шаргородского явилась столь неординарным событием, что ему была посвящена специальная публикация в журнале «Социалистическая законность», где излагались основные положения диссертации и выступлений официальных оппонентов (см.: Социалистическая законность. 1945. № 6).

В том же году в соответствии с постановлением коллегии НКЮ СССР Михаил Давидович направляется на работу в Ленинград, где в марте 1946 г. назначается заведующим кафедрой уголовного права Ленинградского государственного университета, которую возглавляет в течение 17 лет. Под руководством М. Д. Шаргородского кафедра вскоре становится одним из ведущих научных коллективов в области уголовного и исправительно-трудового права. Под редакцией М. Д. Шаргородского и с его участием выходят несколько учебников по Общей и Особенной частям уголовного права. В 1962 г. кафедра выпускает первый Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. В 1968 г. выходит первый том пятитомного Курса советского уголовного права, завершено издание уже после смерти М. Д. Шаргородского. Этот фундаментальный труд и по сей день остается настольной книгой для отечественных криминалистов, поскольку представляет собой наиболее полное и глубокое изложение научных идей по различным проблемам уголовного права.

У М. Д. Шаргородского учились и под его руководством защитили кандидатские диссертации 45 человек, многие из них впоследствии стали докторами наук. Учениками М. Д. Шаргородского были такие известные ученые, как Н. А. Беляев, А. С. Горелик, М. С. Гринберг, П. С. Дагель, М. Е. Ефимов, И. И. Карпец, Н. С. Лейкина, В. С. Прохоров, В. В. Орехов, В. Г. Смирнов и другие. Мне также посчастливилось в 1960–1963 гг. учиться под руководством М. Д. Шаргородского.

Как научного руководителя Михаила Давидовича отличали исключительная порядочность и доброжелательность, готовность оказать всяческую поддержку своим ученикам и коллегам. Он никогда не навязывал своего мнения, предоставляя ученикам полную творческую самостоятельность, не стеснялся признать подчас правоту оппонентов в научном споре. Нас всегда восхищала его интеллигентность и огромная эрудиция, вежливость и деликатность, умение вести дискуссию и отстаивать свое мнение при максимальной корректности и уважительности по отношению к противоположной позиции и к ее сторонникам. При всей своей внешней мягкости он был глубоко принципиальным человеком и ученым, сумевшим даже в сложное время оставаться образцом чести и благородства, быть верным своим убеждениям.

Однако вернемся во вторую половину 40-х годов, оказавшуюся весьма плодотворной в научной деятельности М. Д. Шаргородского. В 1947 г. в «Ученых трудах Всесоюзного института юридических наук» была опубликована большая статья «Причинная связь в уголовном праве», в которой отчетливо проявился научный стиль ученого: глубокое философское обоснование предлагаемых решений, обращение к трудам предшественников, использование зарубежных источников, материалов практики. В итоге исследования автор пришел к следующим выводам: «1. Причинность, как и субъективная вина, является необходимым элементом для установления ответственности. 2. Существует реальная, объективная, находящаяся вне разума человека причинная связь. 3. Никакой разницы между причинами и условиями нет, однако не все причины равноценны. 4. Вопрос о случайности должен решаться как об объективной категории, и в случаях объективной случайности исключается ответственность за результат. 5. Для уголовно-правовой ответственности, отвлекаясь от остальных причин, нужно изучать только те, которые, вызывая результат, связаны с ним виной субъекта». В последующих работах ученый не раз будет возвращаться к проблеме причинной связи в уголовном праве, развивая и уточняя свою позицию.

В том же году выходит фундаментальная монография М. Д. Шаргородского «Преступления против жизни и здоровья» (32 п. л.), которую автор посвятил памяти отца, расстрелянного фашистами в 1941 г. в Одессе. Книга написана в лучших традициях дореволюционных российских криминалистов. Этот труд энциклопедичен: использованы законодательные источники, начиная от Талмуда и Корана, законов Хаммурапи и Ману, Дигест Юстиниана вплоть до действовавших в тот период уголовных кодексов Дании, Кубы, Китая, Франции, Италии, Швейцарии, Турции, Ирана, Японии и других зарубежных стран; статистические данные о преступлениях против жизни и здоровья в США, Швейцарии, Чехословакии, Германии, Франции, Италии, Болгарии, Венгрии, Греции, Швеции, Голландии, Финляндии, Новой Зеландии; 245 литературных источников, включая 78 изданий на немецком, французском и английском языках.

Надо сказать, что эта особенность исследований М. Д. Шаргородского не осталась незамеченной, и когда спустя некоторое время в стране началась «борьба с космополитизмом» и «низкопоклонничеством перед Западом», в приказе Министерства высшего образования СССР от 26 мая 1949 г. отмечалось, что в монографии «Преступления против жизни и здоровья» имеет место «...объективизм, преклонение перед иностранщиной», а в служебной характеристике (апрель 1949 г.) указывалось, что «в работах проф. Шаргородского М. Д. (“Преступления против жизни и здоровья”) без нужды чрезмерно использована буржуазная юридическая литература, с которой местами солидаризируется автор».

В 1948 г. выходит еще одна крупная работа ученого – «Уголовный закон» (22 п. л.), являвшаяся первым монографическим исследованием проблем уголовного закона в советском уголовном праве. Источники уголовного права, система и структура уголовного закона, техника уголовного законодательства, толкование уголовного закона, аналогия в уголовном праве, действие закона во времени и в пространстве, международное уголовное право, выдача преступников и право убежища – это неполный перечень проблем, рассмотренных как в историческом аспекте, так и с позиции современного отечественного и зарубежного уголовного права. Монография «Уголовный закон» и в наше время заслуженно привлекает внимание специалистов, изучающих историю и теорию уголовного закона.

В 50-е годы особое внимание в своих исследованиях М. Д. Шаргородский уделяет проблемам наказания. Последние к тому времени крупные работы по теории уголовного наказания были написаны еще в первой половине 20-х годов учеными старой школы С. В. Познышевым и А. А. Жижиленко. М. Д. Шаргородский готовит к изданию и публикует две монографии: «Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества» (1957 г.) и «Наказание по советскому уголовному праву» (1958 г.). Как и в предыдущих работах, в основу этих книг был положен огромный исторический и законодательный материал, осмысление опыта предыдущих исследований. Рассуждая о содержании наказания и его целях, автор пришел к выводу, что в современном праве кара, страдания являются неизбежными свойствами, содержанием наказания, но не его целями, каковыми должно признаваться лишь предупреждение совершения преступлений как самим преступником, так и другими лицами. «Свойство оказывать предупредительное воздействие на преступника и окружающих есть объективное свойство самого наказания, – писал автор, – оно было имманентно наказанию даже тогда, когда законодатель еще не отдавал себе отчета в этом его свойстве. С этой точки зрения спор классического и социологического направлений в буржуазном уголовном праве не имел большого практического значения, ибо и наказание у классиков, и меры социальной защиты у социологов объективно способны привести к разрешению и общих, и специальных превентивных целей. Однако тогда, когда эти свойства наказания осознаны и становятся целью его применения, на первое место может выдвигаться и выдвигается одно из этих свойств в качестве основной цели, а это уже влияет на систему и характер наказаний» (Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 16).

Исследование уголовного наказания, проведенное М. Д. Шаргородским, как бы дало мощный толчок, и вслед за ним многие ученые – Н. А. Беляев, И. И. Карпец, И. М. Гальперин, А. Л. Ременсон, И. С. Ной, Н. А. Стручков и др. – стали основательно изучать широкий спектр проблем, связанных с наказанием. Сам же ученый также не утратил интереса к этой проблематике. Незадолго до смерти в 1973 г. была издана последняя его книга «Наказание, его цели и эффективность», где особое внимание уделялось понятию и критериям эффективности наказания и условиям, обеспечивающим ее достижение.

В 1957 г. создается общесоюзный журнал «Правоведение», и М. Д. Шаргородский назначается его главным редактором. Уже первые номера журнала показали высокий уровень публикаций, и в скором времени «Правоведение» заслуженно приобрело известность ведущего научно-теоретического периодического издания в СССР в области юридических наук.

Научные интересы М. Д. Шаргородского не ограничивались кругом уголовно-правовых проблем. В 1961 г. в соавторстве с другим выдающимся ученым Ленинградского государственного университета профессором-цивилистом Олимпиадом Соломоновичем Иоффе он пишет книгу «Вопросы теории права», где рассматриваются такие вопросы, как сущность права, норма права, правоотношение, законность и правопорядок, понятие и основание юридической ответственности, система права и систематика юридических норм. Глубина изложения теоретических вопросов права, оригинальность авторских суждений по многим из них делают эту монографию актуальной и по настоящее время.

Вопросы юридической ответственности вообще и уголовной ответственности в частности, ее сущность, философское и юридическое основания продолжали привлекать внимание ученого и в дальнейшем. Им он посвящает интереснейшую статью «Детерминизм и ответственность» (Правоведение. 1968. № 1) и вновь обращается к этим проблемам в первом томе «Курса советского уголовного права» (Изд-во ЛГУ, 1968). «Внешняя детерминированность, – писал автор, – не охватывает всего, что определяет человеческое поведение, она не создает поэтому и фатальности “человеческих поступков”, но внешние детерминанты воздействуют на конкретного субъекта в конкретных условиях места и времени, детерминируют поведение человека, и любой сделанный им выбор в конечном счете полностью детерминирован... Однако это детерминированность не только причинная и не только внешняя. В круг взаимодействующих факторов, обуславливающих поведение, входит и сам субъект, его воля, его разум, поэтому он отвечает за свои поступки... такой подход к вопросу о детерминированности человеческого поведения дает возможность правильно разрешать вопросы как криминологии, так и пенологии. Он позволяет вести борьбу с преступностью двумя путями: 1) воздействием на объективные условия с целью устранения внешних для субъекта факторов, детерминирующих выбор им нежелательного для общества варианта поведения; 2) воздействием на субъекта посредством применения или угрозы применения наказания и отрицательной оценки такого поведения, воздействием, влияющим на волю и разум человека и детерминирующим их с целью выбора желательного для общества варианта поведения» (Правоведение. 1968. № 1. С. 44).

В конце 50-х – начале 60-х годов М. Д. Шаргородский обращается и к исследованию некоторых проблем криминологии, и его с достаточным основанием можно отнести к числу тех ученых, кто участвовал в возрождении отечественной криминологии как науки. Он признавал наличие объективных социальных причин, порождающих преступность в социалистическом обществе, и видел их в противоречиях, искажающих закономерности социализма. Для борьбы с преступностью необходимо применять не только уголовно-правовые, но и другие социальные методы, которые хотя и не смогут сразу полностью ликвидировать преступность, но, создавая желательную мотивацию человеческого поведения, будут способствовать снижению преступности.

М. Д. Шаргородский выступал за социальную обусловленность уголовного законодательства, против примитивного представления о возможности решения сложнейших социальных

задач с помощью уголовного закона, всевозможных волюнтаристических подходов к закону. Эти мысли прозвучали как лейтмотив во вступительном докладе М. Д. Шаргородского, с которым он выступил на Всесоюзной конференции по проблемам уголовного права, проводимой в Ленинграде в мае 1963 г. В качестве одного из примеров такого подхода и социально не обусловленного уголовного закона ученый приводит только что принятый Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об установлении уголовной ответственности за скупку хлеба, муки, крупы и других хлебопродуктов для скармливания скоту и птице.

Реакция властей была незамедлительной. На секретариате ЦК КПСС М. Д. Шаргородскому было объявлено строгое партийное взыскание, он был освобожден от должности заведующего кафедрой уголовного права, а также главного редактора журнала «Правоведение».

Эту сложную ситуацию Михаил Давидович перенес достойно, чему способствовали и поддержка большинства коллег, и забота и душевная теплота его жены – Дары Исаевны Хуторской, верного спутника и друга Михаила Давидовича на протяжении многих лет.

В должности профессора кафедры М. Д. Шаргородский продолжает активную научную деятельность. Его привлекают новые, остро актуальные проблемы права, возникающие в связи с научно-техническим прогрессом, новыми достижениями в области генетики, медицины, кибернетики. В 1969 г. в журнале «Советское государство и право» публикуется его статья «Научный прогресс и уголовное право». «Право в современном обществе, – подчеркивал ученый, – не может и не должно отставать от научного и технического прогресса, оно должно своевременно регулировать те отношения, которые возникают при использовании современной науки и техники, и по возможности устранять или, в крайнем случае, ограничивать тот вред, который возникает при недостаточно продуманных и необоснованных экспериментах, которые могут привести к непоправимым последствиям...» Задачей юриста, как нам представляется, является приведение в соответствие потребностей и интересов общества, которые порождаются гигантским техническим прогрессом, с основными правами личности» («Советское государство и право». 1969. № 2. С. 87). Актуальность такого подхода не только не утрачена в наши дни, но и еще более возросла.

Особо интересует М. Д. Шаргородского проблема допустимого риска при эксперименте, в профессиональной, в частности медицинской деятельности. По его мнению, «представляется необходимым запрещение риска в тех случаях, когда современное состояние науки не обеспечивает еще возможности учесть результаты эксперимента, а возможный ущерб чрезвычайно велик. При всех случаях разрешения вопроса по допустимости риска следует исходить из соразмерности той реальной пользы, которую он может принести, с тем вредом, который может иметь место» (там же, с. 93). Эти же идеи автор развивает и аргументирует в статье «Уголовная политика в эпоху научно-технической революции», опубликованной уже после смерти ученого (см.: Основные направления борьбы с преступностью / Под ред. И. М. Гальперина и В. И. Курляндского. М., 1975).

В статье «Прогресс медицины и уголовное право» (Вестник Ленинградского университета. 1970. № 17) автор отстаивал необходимость правового регулирования операций по пересадке тканей и органов, обосновал недопустимость спасения жизни одного человека за счет другого, необходимость законодательного установления, что любое экспериментирование на людях допустимо только с их согласия, и др.

Интерес юристов и широкой общественности вызвала и статья «Прогноз и правовая наука» (Правоведение 1971. № 1), где автор доказывал возможность прогнозирования преступности и индивидуального преступного поведения и рассуждал о значении такого прогноза для социального планирования профилактических мероприятий.

Одной из последних работ М. Д. Шаргородского, опубликованных при его жизни, была научно-публицистическая статья «Этика или генетика?» (Новый мир, 1972. № 5). Написанная как ответ на статью профессора-генетика В. Эфроимсона «Родословная альтруизма», эта

работа блестяща как по содержанию, так и по форме, является образцом доказательной научной дискуссии с использованием аргументов естественных и гуманитарных наук, обращением к историческим фактам и к художественной литературе.

Надо сказать, что в 60-70-е годы научный, да и просто человеческий авторитет М. Д. Шаргородского был столь велик, что любая публикация ученого вызывала неизменный интерес у широкой научной и студенческой общественности.

Скончался Михаил Давидович Шаргородский 31 августа 1973 г. и похоронен в поселке Комарово, недалеко от могилы Анны Андреевны Ахматовой.

*

Научное наследие М. Д. Шаргородского очень велико. За годы жизни им было опубликовано 12 монографий и более 230 других работ по различным проблемам уголовного права и криминологии, теории права, международного уголовного права, в том числе 27 работ, переведенных на иностранные языки (немецкий, польский, болгарский, венгерский, румынский, чешский, албанский, китайский, монгольский). О широте научных интересов М. Д. Шаргородского некоторое представление дает библиографический список его основных работ в области уголовного права, приведенный в конце настоящего сборника.

В сборник избранных работ М. Д. Шаргородского в области уголовного права включены фрагменты трех крупнейших монографий ученого – «Уголовный закон», «Преступления против жизни и здоровья» и «Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества», а также две главы из «Курса советского уголовного права». Почти полностью публикуется монография «Наказание, его цели и эффективность» (1973 г.) за исключением последней главы «Цели наказания в буржуазном уголовном праве и его эффективность». Публикуется также ряд теоретических статей М. Д. Шаргородского по проблемам, не потерявшим своей актуальности.

Все тексты приводятся без каких-либо купюр по идеологическим соображениям и без комментариев. М. Д. Шаргородский убежденно стоял на позициях материалистической диалектики. Современного читателя, возможно, покоробит достаточно частое цитирование автором высказываний «классиков марксизма-ленинизма», решений партийных съездов, не всегда обоснованная критика «буржуазного» уголовного права. Но не следует забывать, в какие времена писались эти работы. И вся эта «идеологическая шелуха» не может затмить научную прорзорливость автора, глубину высказанных им идей, представляющих не только исторический интерес.

Волженкин Б. В.

Доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Учитель, ученый, гражданин (к 100-летию М. Д. Шаргородского)

С Михаилом Давидовичем Шаргородским судьба свела меня в далекие сороковые годы теперь уже прошлого века. Впрочем, выражение «судьба свела», по-видимому, не очень уместно, поскольку в те годы я был желторотым юнцом, пришедшим в Университет прямо со школьной скамьи, а Михаил Давидович, хотя ему было немногим более сорока лет, известным ученым, за плечами которого и нелегкие предвоенные годы, и Отечественная война, в которую ему довелось выполнять тяжкие во всех отношениях обязанности члена военного трибунала одного из воинских соединений.

В те годы, когда Михаил Давидович по праву занял в Университете место заведующего кафедрой уголовного права, он был подвижен, как ртуть, и если бы не обильная проседь в его пышной в то время шевелюре, его легко можно было бы принять за студента.

Хотя залпы Отечественной войны и отгремели, к первому послевоенному десятилетию с полным основанием можно отнести данную Давидом Самойловым характеристику сороковых годов как роковых. Не будем забывать, что именно на это десятилетие падает и «охота за ведьмами», выразившаяся в позорном постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» и последовавшей вслед за этим разнузданной травле Ахматовой, Зощенко, многих других известных представителей творческой интеллигенции, и борьба с космополитизмом, которая прошла по Университету железным катком, и «ленинградское дело», которое опять-таки обернулось для Университета невосполнимыми потерями, и «дело врачей», и многое другое, что отнюдь не прибавило чести нашему Отечеству и оставило рубец в сердцах и душах миллионов людей, которым довелось жить и работать в это страшное время. Таким незаурядным личностям, как Шаргородский с его неумным общественным темпераментом, желанием занимать активные жизненные позиции, приходилось особенно нелегко. Без преувеличения можно утверждать, что они оказались между Сциллой и Харибдой. В отличие от юнцов, которых пьянил терпкий вкус победы, Шаргородский все видел и все понимал, а потому постоянно находился перед дилеммой: как сохранить чувство собственного достоинства, совесть, способность к творчеству и, вместе с тем, как вести себя, чтобы не быть раздавленным чудовищной машиной подавления и террора, которая в любой момент могла обрушиться на каждого. По большей части ему это удавалось (не берусь судить, с помощью какого миноискателя), хотя «подрыв на mine», но, Слава Богу, в более поздний и менее опасный период, все же произошел.

В дискуссиях, которые, как это ни парадоксально, происходили в то время на факультете, да и в Университете довольно часто, Шаргородский занимал, насколько это было возможно, четкие гражданские позиции и выступал рука об руку с такими выдающимися учеными старшего поколения, как А. В. Венедиктов, С. И. Аскназий, Я. М. Магазинер, В. М. Догадов и другими. Могу засвидетельствовать, что мэтры, хотя и старше Шаргородского почти на двадцать лет, а то и более, испытывали к нему неизменное уважение и относились к нему с полным доверием. В известной мере Шаргородский, будучи членом партии и нередко входя в состав партийных комитетов, служил для них, в большинстве своем беспартийных, своего рода прикрытием. Шаргородский эту нелегкую миссию нередко с успехом выполнял. Это было далеко не просто, поскольку псевдоученых, которые с особым рвением искали идеологическую заразу, дабы лишний раз заявить о себе и выслужиться перед начальством, и на факультете, и в юридическом институте, где Шаргородский также преподавал, всегда хватало.

Особенно памятливы нешуточные бои на почве борьбы с космополитизмом, а также дискуссия о пределах общих понятий в праве, навязанная научному сообществу блюстителями чистоты марксистско-ленинской методологии, которые на самом деле боролись за выживание,

избрав для этого далеко не лучшие средства. Шаргородский во всех этих баталиях вел себя достойно – ни на кого не «катил бочки», признавал допущенные промахи и ошибки (без этого в то время обойтись было нельзя, иначе могли обвинить в неискренности перед партией), но делал это, давая понять, что действует в состоянии крайней необходимости, не унижая ни себя, ни других. Когда я слушал его выступления, нередко думал: какой он умница! По-видимому, то же испытывали и многие другие. А это значит, что его выступления достигали цели.

На втором курсе Михаил Давидович начал читать у нас лекции по Общей части уголовного права. Слушатели Шаргородского, очевидно, помнят, что он страдал дефектом речи, что сказывалось на ее артикуляции. Поэтому первую лекцию Михаила Давидовича я не очень-то воспринял, тем более что на факультете были и такие лекторы, которые заранее заученные ими фразы вбивали в головы студентов буквально, как гвозди. А это на вчерашних школяров, к числу которых относился и я, нередко производило впечатление. Но уже на второй лекции я был настолько поглощен ею, что начисто забыл о тональности подачи отдельных фраз. Истинным наслаждением было чувствовать себя сопричастным к напряженной работе мысли лектора, которая происходила на протяжении всей лекции. В забитой до отказа знаменитой 88-й аудитории, где Шаргородский читал лекции, стояла абсолютная тишина. Все мы, будь то безусый мальчишка или выдавший виды фронтовик, жадно внимали каждому слову лектора, авторитет которого был незыблем. И притом Шаргородский был глубоко демократичен и доступен. К нему можно было запросто подойти, попросить разъяснить то, что осталось непонятным, а то и поспорить. Для общения с нами, студентами, которые не могли идти с ним ни в какое сравнение, он не жалел ни времени, ни сил.

Обаяние незаурядной личности Шаргородского, которое мы впитывали на первых же его лекциях, многие, в том числе и Ваш покорный слуга, сохранили на всю жизнь.

После поступления в аспирантуру, а затем и зачисления на должность преподавателя у меня завязались с Шаргородским более тесные отношения, хотя я всегда осознавал дистанцию, которая нас разделяет.

Помню наши встречи на происходившей в Москве в январе 1957 г. конференции, посвященной соотношению общесоюзного и республиканского законодательства. Организатором конференции выступал Всесоюзный институт юридических наук, директором которого незадолго до этого был назначен К. П. Горшенين, освобожденный от должности министра юстиции Союза ССР. Работа конференции происходила по секциям, поэтому мы с Шаргородским встречались лишь на пленарных заседаниях. На заключительном пленарном заседании с резкой и, по-видимому, несправедливой критикой в адрес Шаргородского выступил профессор А. А. Герцензон, который был головным докладчиком по секции уголовного права. Насколько помню, спор между двумя почтенными учеными разгорелся по поводу того, нужно ли в новом УК, подготовка которого велась, идти по пути широкой гуманизации уголовного наказания или двигаться в этом направлении достаточно осторожно. А. А. Герцензон, озвучивая, очевидно, официальную точку зрения, был за то, чтобы ослабить вожжи, М. Д. Шаргородский предостерегал против излишней поспешности и торопливости в этом деле.

Шаргородский, видимо, не ожидал, что Герцензон, выступая на пленарном заседании с заключительным словом, обрушит на него град упреков, причем сделает это в резкой форме. Это его сильно взволновало. Проходя мимо меня в крайне возбужденном состоянии (таким я его до этого не видел), он обратился со словами: «Вы слышали, что он (Герцензон) обо мне говорил!» Я, как мог, успокоил Михаила Давидовича, сказав, что разделяю его позицию. Это, насколько я понял, не произвело на него впечатления, тем более что он имел все основания не считать меня в этих вопросах сведущим лицом.

Михаил Давидович нередко выступал на философских семинарах, которые в те годы проводились на факультете регулярно. Помнится, после одного из его докладов, не знаю уж, в связи с чем, задал ему несколько вопросов. Среди них был и такой: как относится Михаил

Давидович к исполнению Черкасовым роли Ивана Грозного в пьесе «Великий государь», которая шла тогда в театре драмы им. Пушкина (ныне Александринский театр). Мне запомнился ответ Шаргородского: «Я положительно отношусь к исполнению Черкасовым этой роли, но против того, чтобы в уста Ивана Грозного (то бишь в уста Черкасова) вкладывали такие фразы, словно он только что ушел с очередного партийного собрания». Согласитесь, по тем временам это был довольно смелый ответ, за который могли и взгреть.

Шаргородский стремился занимать относительно независимую позицию и тогда, когда другие предпочитали трусливо отмалчиваться. Так, на факультете рассматривалось персональное дело одного из преподавателей, который при вступлении в партию якобы что-то утаил в своем социальном происхождении. Было принято решение об исключении этого преподавателя из партии. Против исключения не голосовал никто. Единственным, кто воздержался, был Шаргородский. Вскоре решение об исключении отменили и дело ограничилось партийным взысканием.

Вполне возможно, что кое-кто из тех, кто прочитает мои заметки (особенно среди молодежи), подумает: нашел, что поднимать на щит, ведь речь идет об элементарной человеческой порядочности. Чтобы по достоинству оценить акции Шаргородского и ту меру ответственности, которую он брал на себя, нужно мысленно окунуться в удушливую атмосферу тех лет, когда каждое лыко могло быть поставлено в строку и повлечь исключение из партии, увольнение с работы, а то и арест. Давайте поэтому не судить наших учителей слишком строго. Сохраним благодарность к ним хотя бы за то, что они продолжали оставаться людьми, сохранили способность к творчеству и всячески старались привить нам добрые чувства, к которым мы сами далеко не всегда были восприимчивы.

Пик научной и общественной карьеры Шаргородского приходится на вторую половину 1957 г. – начало 60-х годов.

На состоявшейся в конце 1957 г. в Ленинграде представительной конференции по вопросам государства и права Шаргородский выполнял одну из главных ролей. На пленарном заседании он совместно с О. С. Иоффе выступил с одним из основополагающих докладов, а вскоре был утвержден главным редактором журнала «Правоведение», первый номер которого вышел в начале 1958 г. Поскольку, однако, решение об учреждении журнала состоялось в 1957 г., журнал ведет свое летоисчисление именно с этого года. Большую роль в рождении журнала сыграл доктор юридических наук, проф. А. Ф. Шебанов, который в Минвузе СССР занимал пост заместителя начальника главка. Именно он и сумел «пробить» разрешение директивных (читай: партийных) органов на выпуск журнала. Без этого о выходе журнала в те годы нечего было и помышлять. В состав первой редколлегии журнала, возглавляемой М. Д. Шаргородским, вошли крупные ученые, которых ныне, как и самого главного редактора, уже нет в живых. Правой рукой Шаргородского в организации журнала и направлении его деятельности был заместитель главного редактора, один из учеников Михаила Давидовича – Валентин Григорьевич Смирнов, известный ученый в области уголовного права. В науку вошла его монография «Функции уголовного права», положенная в основу успешно защищенной докторской диссертации. Роль В. Г. Смирнова в организации и обеспечении деятельности журнала при всей неоднозначности его личности не должна быть забыта.

Михаил Давидович на посту главного редактора проявил себя как вдумчивый и требовательный руководитель. Будучи выдающимся ученым, научные интересы которого далеко выходили за пределы собственно уголовного права, да и права вообще, Шаргородский умело направлял работу редколлегии, используя при этом не административный ресурс, а высокий научный авторитет, широкое видение возникающих проблем, отсутствие какого бы то ни было чинопочитания. Роль Шаргородского на посту главного редактора журнала «Правоведение» в известной мере можно сравнить с ролью А. Т. Твардовского как главного редактора «Нового мира» в лучшую пору этого журнала.

Не счесть ученых, государственных и общественных деятелей, известных практиков-правоведов, для которых публикации в «Правоведении» оказались первой ласточкой, открывшей им широкую дорогу в жизнь. Во многих случаях это произошло именно потому, что заинтересованное, доброе участие в их судьбе принял учитель, наставник и старший товарищ М. Д. Шаргородский.

К тому же времени относится и подготовка М. Д. Шаргородским совместно с О. С. Иоффе (а они нередко выступали в соавторстве, достаточно напомнить монографию «Вопросы теории права», увидевшую свет в период хрущевской оттепели в 1961 г.) статьи общеметодологического характера, в которой затрагивались многие общие вопросы теории государства и права. Статья, насколько известно, готовилась для сборника, который предполагалось издать в Польше под редакцией одного из тогдашних лидеров польской юридической науки проф. Ст. Розмарина. Годы войны Розмарин провел в Советском Союзе, спасаясь от нацизма. По возвращении в Польшу Розмарин поддерживал тесные контакты с советскими учеными, в том числе с проф. Б. Б. Черпахиным, с которым подружился, находясь в Свердловске (ныне – Екатеринбург). Подготовленную статью для опубликования требовалось снабдить рецензиями. Авторы статьи обратились ко мне с просьбой отрецензировать статью, на что я охотно согласился. Прочитав статью, я понял, что о ее опубликовании в нашем Отечестве говорить не приходится, поскольку она явно опережала свое время. Положительно оценив статью, я все же счел необходимым, дабы обезопасить самих авторов, предостеречь их от ряда рискованных положений. Разумеется, не помню всего содержания рецензии, но в одном месте я писал: «Из статьи следует, что мы нэп экономически не победили, а задушили с помощью административных мер». Насколько известно, сборник Розмарина света так и не увидел. По-видимому, это объясняется тем, что эра Гомулки в Польше вскорости прошла, как, впрочем, и хрущевская оттепель. Дальнейшая судьба статьи, по нынешним меркам совершенно невинной, мне неизвестна.

Гром среди ясного неба грянул в начале 60-х годов, когда на юридическом факультете проводилась весьма представительная конференция по уголовному праву, в которой участвовали не только отечественные, но и зарубежные ученые. Конференция проходила под эгидой кафедры уголовного права, на которой ведущую роль играл М. Д. Шаргородский. Участниками конференции были и видные практические работники. В роли возмутителей спокойствия на конференции выступили М. Д. Шаргородский и советник тогдашнего Президента США по юридическим вопросам профессор Липсон.

Шаргородский в своем докладе «осмелился» покритиковать тогдашний Верховный Суд Союза ССР за то, что он вместо того, чтобы неукоснительно следовать предписаниям закона, иногда становится на путь нормотворчества. Это вызвало неудовольствие присутствовавших на конференции представителей Верховного Суда, которые в оправдание своей позиции ссылались на то, что закон нередко отстает от требований жизни и если бы судьи не восполняли имеющиеся в законе пробелы и не устраняли в нем противоречия, то правосудие просто-напросто нельзя было бы бесперебойно отправлять.

Еще дальше «решился» пойти профессор Липсон, который не без удовлетворения и с известной долей сарказма отметил сближение идеологических позиций советских и американских юристов. Если раньше, когда американцы критиковали советскую правовую и судебную систему, советские коллеги, отмечал Липсон, обвиняли нас в клевете, то теперь они говорят по существу то же самое.

Этого идеологические оруженосцы партии, присутствовавшие на конференции, вытерпеть уже не могли. Конференция еще не успела завершить свою работу, а на ее устроителей и факультет в целом как из рога изобилия посыпались доносы с упреками в распространении идеологической заразы, притуплении бдительности, сдаче идейных позиций etc., etc. Главной мишенью этих наветов стал М. Д. Шаргородский, который был снят с поста главного редактора журнала «Правоведение» и заведующего кафедрой уголовного права. Он получил также

взыскание по партийной линии. Погорел и тогдашний декан факультета А. И. Королев, который также был освобожден от занимаемой должности. Правда по прошествии определенного срока А. И. Королев вновь успел побывать деканом. Нахлобучку получил и секретарь горкома партии, наш коллега Ю. А. Лавриков, который впоследствии много лет успешно руководил Финансово-экономическим институтом. Лаврикову инкриминировали то, что он проглядел имевший место на факультете идеологический вывих. Гневную отповедь устроителям и попустиителям конференции дал известный идеологический работник того времени Снастин, подвизавшийся в обществе «Знание».

Шаргородский, несомненно, был выбит из нормальной рабочей колеи, но не пал духом. Близкий к нему в то время Иоффе говорил мне, оценивая последствия идеологической порки: Шаргородский – большой ученый и он в конце концов оправится. В конечном счете так и произошло, хотя вся эта история не прошла для Михаила Давидовича бесследно и ускорила его конец.

Мне было очень жаль нашего Михаила Давидовича, который наряду с моим учителем – А. В. Венедиктовым, пожалуй, был тогда на факультете наиболее крупномасштабной личностью. Однако Михаил Давидович не очень охотно кого-то к себе подпускал, видимо, считая, что со свалившейся на него бедой он должен справляться сам. Я решился все же написать Михаилу Давидовичу письмо. Не исключая того, что письмо может быть перлюстрировано, для выражения сочувствия и солидарности прибег к эзоповскому языку. Привлек для этого... учение, как тогда говорили, Сталина о временных и постоянно действующих факторах, которое он озвучил в одном из своих выступлений периода Великой Отечественной войны. Написал Шаргородскому примерно следующее: «...история со злополучной конференцией – это фактор временный, который очень скоро будет забыт, а вот вклад, который Вы внесли в науку и подготовку многих поколений преданных Вам учеников и последователей, – это фактор постоянный, который не только не забыт, но значение которого будет возрастать».

Читатель не без труда заметит, что, судя по содержанию письма, я был заражен в то время большим конформизмом, чем Шаргородский, хотя его положение было куда более опасным, чем мое. Ну что ж, из песни слова не выкинешь – «тут не прибавить, не убавить – так это было на Земле».

Прямых доказательств того, что Михаил Давидович получил мое письмо, нет, но косвенными располагаю. Когда через какое-то время после отправки письма мы встретились на факультете и обменивались рукопожатиями, Михаил Давидович, ни слова не говоря, неожиданно задержал мою руку в своей и некоторое время не отпускал. По этому знаку и по тому, как он на меня смотрел, я понял, что письмо он получил. Такое не забывается и дорогого стоит.

После конференции на факультет зачастили комиссии, которые судорожно искали у нас «идеологическую заразу». Но обнаружить ее при всем желании не могли, поскольку в то время мы были не менее правоверны, чем те, которых на нас напускали.

На несколько лет мы были лишены права проведения каких бы то ни было конференций, т. е., выражаясь криминалистическим языком, были помещены в дом предварительного заключения. Табу сняли лишь через несколько лет, когда нам разрешили проведение межвузовской конференции, но, разумеется, без приглашения иностранных участников.

А как же сложилась судьба самого Шаргородского? Он продолжал вести плодотворную научно-педагогическую деятельность. Наиболее авторитетное тому подтверждение – пятитомный курс уголовного права, подготовленный под руководством М. Д. Шаргородского и его преемника по заведованию кафедрой Н. А. Беляева, который достойно продолжил дело своего учителя.

Михаил Давидович активно сотрудничал и в своем детище – журнале «Правоведение», которым после несправедливого снятия Михаила Давидовича в течение многих лет успешно руководил его ученик Н. С. Алексеев. Он развил и приумножил традиции, заложенные его учи-

телем. Все мы, члены редколлегии и сотрудники редакции, воспринимали каждый поступивший от Михаила Давидовича материал как показатель доверия и дорогой подарок и стремились обеспечить ему режим наибольшего благоприятствования. Опубликовал Михаил Давидович и ряд монографий. Известны его выступления в общественно-политических изданиях, в том числе в журнале «Новый мир», где он полемизировал с известным генетиком В. С. Эфроимсоном.

Скончался Михаил Давидович в августе 1973 г. Похоронен на кладбище в дачном поселке Комарово, недалеко от могилы с надгробием Анны Ахматовой. Рядом с ним покоится прах верной спутницы жизни Дары Исаевны Хуторской.

Любопытная деталь: недалеко от могилы Анны Ахматовой можно найти могилы тех, кто травил Анну Андреевну при жизни, а то и не оставлял в покое после смерти. Хорошо, что хоть от этого Михаил Давидович избавлен.

Невольно всплывают в памяти бессмертные строки поэта:

Я всем прощение дарую
И в Воскресение Христа
Меня предавших – в лоб целую,
А не предавшего – в уста.

Ныне мемориальная доска увековечила память М. Д. Шаргородского на стене здания юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, где он много лет преподавал, вел напряженную научно-исследовательскую работу, вкладывая в дело своей жизни силы, душу, знания и талант.

Рядом с доской, увековечившей память М. Д. Шаргородского, другая доска в память моего незабвенного учителя – академика Анатолия Васильевича Венедиктова.

Глубоко символично, что эти доски оказались рядом, причем именно по одну, а не по другую сторону входа на факультет. Что же роднит этих выдающихся ученых при всем несхождении их темпераментов? Роднит их то, что оба они были беспредельно преданы науке, которая оставалась их первой и последней любовью.

Их жизнь и деятельность – образец для подражания всем нам, особенно грядущим поколениям, которые неизбежно приходят на смену тем, кто совершил то, что мог.

Ю. К Толстой

*Доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского
государственного университета*

Михаил Давидович Шаргородский был моим учителем и остается им

Судьба распорядилась так, что почти двадцать лет мне довелось учиться у него, работать вместе с ним, шутить, спорить... Если попытаться сказать кратко, что значит для меня быть учеником Михаила Давидовича, то это, наверное, и прошедшая через годы убежденность в том, что он был настоящим университетским профессором, тем образцом, к которому хотелось бы приблизиться.

Я впервые увидел его на лекциях по Общей части уголовного права второкурсником, все еще сохранившим романтически-приподнятое восприятие университета и его юридического факультета... Уходящий в бесконечность коридор Главного здания, студенты-геологи в красивых мундирах, амфитеатр 88-й аудитории... В этой-то битком набитой студентами аудитории и состоялась встреча с уголовным правом и человеком, который стал для меня частицей университета. Его лекции нужно было слушать и неторопливо записывать, каждая из них была исследованием проблемы, проводимым на глазах студентов, они были интересны, так же как был интересен и сам лектор – спокойный, уверенный в себе человек.

Плотом был студенческий научный кружок, его работой руководил М. Д. Шаргородский, мой доклад, неожиданное предложение быть старостой кружка, и новые грани личности Михаила Давидовича, раскрывающиеся теперь в живом непосредственном общении: полное отсутствие «позы и фразы» (качество, свойственное далеко не всем), естественный демократизм, готовность спорить, возражать и соглашаться, похвалить порой детские попытки самостоятельности докладчиков, – все это создавало атмосферу радостного творчества.

Михаил Давидович был научным руководителем моей дипломной работы, а через три года работы по распределению и поступления в аспирантуру – я узнал еще одного М. Д. Шаргородского – заведующего кафедрой уголовного права – маститого ученого, доброжелательного и требовательного руководителя. Мне кажется, что все тогдашние аспиранты: В. И. Пинчук, В. Д. Филимонов, А. С. Горелик и другие работали под его руководством. Безусловным требованием было одно – глубокое изучение литературы в том числе дореволюционных отечественных авторов, самостоятельность в научном исследовании. Расхождение в научных взглядах аспиранта и руководителя не возбранялось, напротив, зачастую именно при столкновении мнений научная молодежь «оттачивала когти» в полемике со своим руководителем.

Научной общественности хорошо известны научные труды М. Д. Шаргородского, они по-прежнему живут, их цитируют, именно благодаря его усилиям сложилась ленинградская школа уголовного права. У меня же осталась в памяти та радость, с которой Михаил Давидович, встретил вышедший в свет в 1960 году учебник по Общей части уголовного права, написанный коллективом кафедры под его и Н. А. Беляева редакцией. Это был первый учебник, написанный не московскими авторами. «Ну вот, – сказал как-то Михаил Давидович, – раньше лишь москвичи писали учебники, а мы рецензии на них...» Потом был пятитомный Курс уголовного права, создание журнала «Правоведение». Именно он сказал: «Нет, Вестник высшей школы? Лучше «Правоведение».

М. Д. Шаргородский был мужественный человек. Он с достоинством встречал трудности, без которых не обошелся и его длинный путь. И еще. Как-то в его отсутствие на кафедре кто-то сказал: «Заметили, наш Михаил Давидович с годами становится все красивее». Все дружно кивнули – да. Он действительно был красивый человек.

Библиотека М. Д. Шаргородского – в фонде библиотеки факультета. Читайте его книги. На стене факультета – памятная доска. В год его смерти вышла его посмертная работа «Нака-

знание, его цели и эффективность». Дара Исаевна, его вдова, в заключение дарственной надписи написала: «...на добрую память». Мы помним.

В. С. Прохоров

*Доктор юридических наук профессор Санкт-Петербургского
государственного университета*

Незабвенный

100-летие со дня рождения М. Д. Шаргородского – достаточное основание вспомнить его для каждого, кто был знаком с ним, вместе работал или учился у него. Я познакомился с Михаилом Давидовичем неторопливо: Юридический факультет ЛГУ я окончил экстерном. Кандидатскую диссертацию защищал в качестве соискателя кафедры, которой уже несколько лет руководил Михаил Давидович.

Облик Шаргородского сформировался у меня после того, как я послушал его выступления на юридических конференциях, дискуссиях по правовым проблемам на факультетском и кафедральном уровне. Обратило на себя внимание все: насыщенность интересным материалом, стиль изложения, аргументация. Михаил Давидович принимал активное авторитетное участие в организуемых по его инициативе обсуждениях на факультете монографий видных ученых-юристов: запомнилось обсуждение монографий А. Н. Трайнина «Состав преступления» и Б. С. Никифорова и философа Злобина об умысле.

Конечно сохранилось в памяти блестящее, смелое, убедительное, аргументированное выступление Михаила Давидовича на Всесоюзной конференции в Ленинграде в мае 1963 года по вопросам уголовного права, получившее резкую и необоснованную оценку со стороны высших идеологических инстанций, повлекшее для М. Д. строгое партийное взыскание и освобождение с занимаемых постов заведующего кафедрой и главного редактора журнала «Правоведение». Мне пришлось слышать не вызывающую сомнения в ее правдивости информацию о поведении Михаила Давидовича на заседании в ЦК. Он не впал в плаксивое покаяние, а пытался приводить разумные аргументы и даже упрекнул одного из выступающих в неубедительности его доводов.

Во вводной статье профессора Б. В. Волженкина дана краткая характеристика главных работ М. Д. Шаргородского. Хотелось бы пополнить перечень еще одной – это опубликованная издательством ЛГУ в 1955 году книга «Вопросы Общей части уголовного права (законодательство и судебная практика)», в основу которой положено изучение действующего законодательства и судебной практики Верховного Суда СССР за семнадцать лет (1938–1955 гг.).

Содержание книги составляет анализ судебной практики Верховного Суда СССР, относящийся практически ко всем основным разделам уголовного права. Особенно, до настоящего времени, сохраняет интерес комментарий автора по делам Егоровой и Помаленко (убийство).

Естественно, что в моей памяти с большой четкостью сохранился факт сдачи кандидатского экзамена по уголовному праву в комиссии юрфака под председательством М. Д. Шаргородского.

Помню все: вопросы (соучастие, социологическая школа, добровольный отказ), доброжелательную атмосферу, само собой – результат (я получил «пятерку»). Под конец М. Д. спросил: Кто был главой социологической школы? Я ответил. М. Д. это, как мне показалось, понравилось.

Конечно, я не сразу привык к Михаилу Давидовичу, но довольно скоро все стало на свое место.

Облик глубоко интеллигентного отзывчивого человека, готового помочь молодому коллеге встать на ноги, сохраняется в моей памяти, дает мне право называть его Незабвенный.

В. И. Пинчук

Доктор юридических наук, профессор

Предмет, система и метод науки уголовного права¹

§ 1. Понятие уголовного права

Одной из основных отраслей права является уголовное право². Как и право в целом, оно охраняет, закрепляет и развивает общественные отношения и порядки, выгодные и удобные господствующему классу. Порожденное существующими общественными отношениями, уголовное право имеет своей основной задачей охрану этих отношений. В уголовном праве находит выражение воля господствующего класса. К. Маркс и Ф. Энгельс писали о буржуазном праве: «...ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»³.

В трудах классиков марксизма-ленинизма с исчерпывающей ясностью показан классовый характер права вообще и уголовного права в частности. «Капитал» К. Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «Государство и революция» и лекция «О государстве» В. И. Ленина являются теоретической основой для развития науки социалистического уголовного права.

Уголовное право, возникшее вместе с частной собственностью, разделением общества на классы и государством, с первых же дней своего существования было в руках господствующего класса орудием подавления сопротивления эксплуатируемых. *В условиях эксплуататорского государства уголовное право являлось и является системой норм уголовного законодательства и обычаев, санкционированных государственной властью и определяющих преступление, т. е. действия, опасные для интересов господствующего класса, а также условия назначения и применения наказания за их совершение.*

Уголовное право эксплуататорских государств, опирающееся на принудительную власть государства рабовладельцев, феодалов или капиталистов, имело и имеет своей основной задачей охрану власти эксплуататоров и той формы собственности, которая эту эксплуатацию обеспечивает.

В результате победы пролетарской революции в России было создано государство нового типа – социалистическое государство пролетарской диктатуры, которое, выполнив свои основные задачи, после уничтожения эксплуататорских классов превратилось во всеобъемлющую организацию всего народа – общенародное государство – и создало соответствующую ему первую в мире систему социалистического права. Опыт Советского государства творчески использован в государстве и праве всех стран социалистического лагеря.

Руководящие положения для всех отраслей советского социалистического права, в том числе и уголовного, даны в Программе КПСС и решениях партии, в положениях Конституции СССР. На основе Программы КПСС и принципов Конституции СССР строятся советские уголовные законы.

Советское уголовное право, как отрасль права, есть система установленных и санкционированных социалистическим государством норм, которые определяют наиболее опасные

¹ Глава из книги: Курс советского уголовного права (Часть Общая). Т. 1 // Отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Изд. Ленингр. ун-та. 1986.

² В большинстве случаев соответствующая отрасль права получала название от двух своих основных институтов: либо от наказания – «Strafrecht», «droit pénal», «наказательное право», «prawo karne» и т. д., либо от преступления – «criminal law», «droit criminele». Русский термин «уголовное право», по мнению М. М. Сперанского, произошел от того, что законы уголовные – это те, где дело идет о голове, т. е. жизни – «deminutio capitis». Весьма вероятна связь термина «уголовное право» с одним из основных наказаний старого русского права – головничеством.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 443.

для трудящихся и социалистического правопорядка деяния (преступления) и условия назначения и применения мер наказания за их совершение.

Советское уголовное право и уголовное право зарубежных социалистических стран принципиально отличны как по форме, так и по содержанию, целям и задачам от всякого ранее существовавшего уголовного права.

§ 2. Уголовное правоотношение

*Уголовное право регулирует те общественные отношения, которые возникают вследствие совершения наиболее общественно опасных посягательств на охраняемые государством отношения социалистического общества. Эти общественные отношения приобретают в результате их юридического регулирования вид уголовных правоотношений. Их субъектом является, с одной стороны, гражданин, а с другой – государство. Государство в уголовном правоотношении выступает как носитель права применить наказание и носитель обязанности ограничить применение наказания пределами, установленными в законе, а гражданин обязан подчиниться этой мере наказания и имеет право требовать, чтобы она не превышала установленного в законе предела и применялась судом лишь при установлении факта совершения общественно опасного деяния. Карательный метод служит тем методом, при помощи которого государство принуждает к соблюдению норм уголовного права*⁴.

Сейчас в советской юридической литературе общепризнано наличие самостоятельных уголовно-правовых отношений. Единственное исключение составляет позиция А. В. Мицкевича, который полагает, что «трудно обосновать теоретическую и практическую значимость категории особых, уголовных правоотношений»⁵. Вопрос об уголовном правоотношении разрабатывается в советской литературе сравнительно недавно (в литературе других стран он почти не разработан). До криминалистов этой проблемой в СССР стали заниматься специалисты по уголовному процессу в связи с вопросом об уголовно-процессуальном отношении и его отграничении от материального уголовно-правового отношения. С. Ф. Кечекьян выдвинул общее «положение, что нормы права могут в отдельных случаях устанавливать одни лишь обязанности»⁶, а М. А. Чельцов конкретизировал эту идею и исходил из того, что «в уголовном праве нормы устанавливают одностороннюю правовую обязанность не нарушать запреты уголовного закона; этой обязанности не соответствуют права какого-либо субъекта»⁷.

Категория властеотношений, которая была введена в советскую правовую литературу процессуалистами (М. С. Строгович) и поддержана некоторыми специалистами по материальному уголовному праву (Я. М. Брайнин, В. Г. Смирнов), приводит, как и ранее изложенные взгляды С. Ф. Кечекьяна и М. А. Чельцова, к неприемлемым, с нашей точки зрения, выводам. М. С. Строгович полагает, что «уголовно-правовое отношение – это властеотношение, в нем государство осуществляет власть и применяет принуждение к нарушившему закон лицу». Однако вместе с тем М. С. Строгович считает, что «поскольку это отношение выражено в законе, закреплено в норме права – это отношение есть тем самым правовое отношение, правоотношение»⁸.

С такой позицией процессуалистов согласиться никак нельзя. Пока не совершено преступление, нет уголовного правоотношения, но, вопреки мнению М. А. Чельцова, конституционной обязанности гражданина не нарушать запреты уголовного закона соответствует конституционная обязанность государства не применять мер наказания к лицу, такой запрет не нарушившему. Что же касается позиции М. С. Строговича, то следует указать, что отношение, при котором на одной стороне имеются только права, а на другой стороне – только обязанности, никак не является правоотношением, и, значит, такое определение теоретически неверно.

⁴ См.: О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. М., Госюриздат, 1961, стр. 215–216.

⁵ А. В. Мицкевич. Субъекты советского права. М., Госюриздат, 1962, стр. 100–101.

⁶ С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 65; Его же. Нормы права и правоотношения, «Советское государство и право», 1955, № 2, стр. 23–32.

⁷ М. А. Чельцов. Уголовный процесс. М., Госюриздат, 1962, стр. 16.

⁸ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 48–49.

Неприемлемо оно и фактически, ибо лицо, совершившее преступление, имеет субъективные права, а не находится в результате совершения преступления «вне закона»⁹.

В. Г. Смирнов в работе, опубликованной в 1961 г., исходил из того, что «в момент совершения преступления... возникает властеотношение между лицом, совершившим преступление, и государством в целом. Это властеотношение, однако, не носит правового характера»¹⁰. В 1965 г. В. Г. Смирнов пишет о «властных полномочиях Советского государства». Он полагает, что «с момента... совершения правонарушения возникает и обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпеть меры государственного воздействия. Однако здесь еще нет правовых отношений»¹¹. Таким образом, в отличие от М. С. Строговича В. Г. Смирнов не признает властеотношения правоотношением (что, с нашей точки зрения, правильно), но и он отрицает наличие субъективных прав у лица, виновного в совершении правонарушения (что, с нашей точки зрения, неправильно).

Я. М. Брайнин обоснованно критикует позицию М. С. Строговича и В. Г. Смирнова, но в то же время сам исходит из того, что «совершение лицом преступления ведет к возникновению особого рода отношения – властеотношения, которое выражается в одностороннем осуществлении своих прав и обязанностей органами карательной власти по раскрытию преступления и обнаружению виновных»¹².

Но «всякое право государства по отношению к преступнику есть вместе с тем и право преступника по отношению к государству»¹³, а все упомянутые авторы, к сожалению, упускают из виду то, что «если верно положение, что нет свободы без ответственности, то не менее верно и то, что нет ответственности без права»¹⁴.

Н. Н. Полянский, который одним из первых изучил этот вопрос, полагал, что уголовно-правовые отношения существуют между карательными органами государства и преступником¹⁵. С мнением Н. Н. Полянского вскоре солидаризировался С. Ф. Кечекьян¹⁶. Основательные возражения против этой концепции выдвинул М. С. Строгович, правильно указавший, что «преступник, совершивший преступление, ставит себя в определенное отношение не к суду, или прокуратуре, или исправительно-трудовому учреждению, а к государству, которое всегда и везде выступает и действует не иначе, как через свои органы»¹⁷. Эту позицию поддерживал и А. А. Пионтковский, который обоснованно исходит из того, что «материальное уголовное право определяет прежде всего существо правоотношения между личностью виновного и государством, возникающего в связи с совершением преступления»¹⁸. Такого же мнения придерживается венгерский академик Имре Сабо: «В уголовном праве это превращение в специфически частное происходит тогда, когда (негативный случай), также в силу частного правового акта, констатируется нарушение норм поведения. Поэтому государство является

⁹ Критику неправильных позиций по этому вопросу см.: В. И. Курляндский. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 17; Е. А. Флейшиц. Соотношение правоспособности и субъективных прав. В сб.: Вопросы общей теории советского права. М., Госюриздат, 1960, стр. 259–261; Н. Г. Александров. Законность и правоотношения в советском обществе. М... Госюриздат, 1955, стр. 89–90.

¹⁰ В. Г. Смирнов. Правоотношения в уголовном праве. «Правоведение», 1961, № 3, стр. 92.

¹¹ В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Автореф. докт. дисс. Л., 1965, стр. 12.

¹² Я. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., Госюриздат, 1963, стр. 22. – Против всех этих положений правильно высказывается В. Д. Филимонов (см.: В. Д. Филимонов. Уголовная ответственность и общественное принуждение. Труды Томского гос. ун-та, т. 159, 1965, стр. 114).

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 150.

¹⁴ Г. Смирнов. Свобода и ответственность личности. «Коммунист», 1966, № 14, стр. 67.

¹⁵ См.: Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд. МГУ, 1956, стр. 253–256.

¹⁶ См.: С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе, стр. 182–183.

¹⁷ М. С. Строгович. Уголовно-процессуальное право в системе советского права. «Советское государство и право», 1957, № 4, стр. 105; см. также: Демократические основы советского социалистического правосудия. М., «Наука», 1965, стр. 50.

¹⁸ А. А. Пионтковский. Правоотношения в уголовном праве. «Правоведение», 1962, № 2, стр. 93.

субъектом, с одной стороны, указанных общих частных правоотношений, а с другой, определенных частных правоотношений»¹⁹.

Однако и позднее некоторые авторы, например А. Л. Ривлин, высказали мнение, что государство «ни в какие правовые отношения с преступником... не вступает» и что «субъектами уголовно-правовых отношений, с одной стороны, являются следственные, прокурорские и судебные органы и, с другой, не только осужденный, но и обвиняемый»²⁰. В. Г. Смирнов также исходит из того, что «субъектами уголовно-правовых отношений являются, с одной стороны, либо суд, постановивший обвинительный приговор... либо государственные органы, ведающие руководством теми или иными отраслями советского хозяйства, культуры, образования... либо специальные органы...»²¹

Людвика Лисякевич (Польша) в статье «О норме и материальном уголовно-правовом отношении» также исходит из того, что субъектом уголовно-правового отношения является орган государства, а не государство²².

Однако если у государственного органа есть *право* наказывать, то орган государства, как всякое уполномоченное лицо, может отказаться от реализации своего права. Между тем в действительности у государственного органа имеется не право, а *обязанность* наказывать при совершении преступления.

Основная ошибка авторов, полагающих, что субъектом уголовного правоотношения является не государство, а государственный орган, в частности суд, заключается в том, что они смешивают субъекта, которому принадлежит право, входящее в конкретное правоотношение, с субъектом, которому принадлежит право устанавливать наличие этого права, назначать и применять соответствующие меры, т. е. не различают материальных уголовно-правовых и процессуальных правоотношений, а иногда и возникающих на их базе административных правоотношений.

Вторым субъектом уголовного правоотношения является не подозреваемый, обвиняемый или осужденный, а лицо, действительно совершившее преступление²³. Подозреваемый, обвиняемый, осужденный – это субъекты, вступающие в определенные уголовно-процессуальные, но не материально-правовые отношения. Если невиновный привлечен к уголовной ответственности или осужден, то материального уголовно-правового отношения между ним и государством вообще не возникало, ибо не было совершено преступления и нет юридического факта, без которого не может возникнуть материальное уголовно-правовое отношение. Суд в этом случае неправильно констатировал наличие такого отношения, приговор подлежит отмене как не соответствующий обстоятельствам дела, а все возникшие правоотношения были только уголовно-процессуальными.

Юридическим фактом, определяющим возникновение уголовного правоотношения, является совершение преступления, поэтому и моментом возникновения уголовного право-

¹⁹ Имре Сабо. Социалистическое право. М., «Прогресс», 1964, стр. 338; см. также: М. Маринов. По некоей выписке на наказательного правоотношение... «Правна мисъл», София, 1965, № 5, стр. 3.

²⁰ А. Л. Ривлин. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях. «Правоведение», 1959, № 2, стр. 107–109. – См. также правильные возражения Я. М. Брайнина (Я. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, стр. 14–18), Н. И. Загородникова (Н. И. Загородников. О содержании уголовно-правовых отношений. «Советское государство и право», 1963, № 11, стр. 86), В. И. Курляндского (В. И. Курляндский. О сущности и признаках уголовной ответственности. «Советское государство и право», 1963, № 11, стр. 90), П. С. Элькинд (П. С. Элькинд. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд. ЛГУ, 1963, стр. 19).

²¹ В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права Изд. ЛГУ, 1965, стр. 162–163.

²² См.: Ludwika Lisiakiewicz. O normie i stosunku prawnym karno-materialnym. Studia z teorii prawa. Warszawa, PAN, 1965, стр. 333–378.

²³ См.: В. И. Каминская. Уголовно-процессуальный закон. В кн.: Демократические основы советского социалистического правосудия, стр. 96.

отношения следует считать момент совершения преступления²⁴. Попытка связать момент возникновения уголовного правоотношения с обстоятельствами процессуального характера, как нам кажется, является неосновательной. Суд не создает уголовных правоотношений, а лишь констатирует их наличие. Так, например, В. Г. Смирнов считает, что субъектом уголовного правоотношения является осужденный, так как с этого момента возникают и начинают реализовываться конкретные права и обязанности сторон отношения²⁵. По мнению А. Л. Ривлина и Я. М. Брайнина, субъектом уголовного правоотношения является как обвиняемый, так и осужденный²⁶. Румынский криминалист Ион Оанча связывает момент рождения уголовного правоотношения с окончанием уголовно-процессуального отношения²⁷. П. Е. Недбайло полагает, что требуется сложный фактический состав, состоящий из совершения преступления и вынесения приговора²⁸ (тогда уже было бы последовательнее говорить, как В. Г. Смирнов, не о вынесении приговора, а о вступлении в силу обвинительного приговора суда²⁹). Б. С. Маньковский полагает, что уголовно-правовое отношение возникает в момент вынесения обвинительного приговора³⁰.

По мнению Я. М. Брайнина, «момент привлечения виновного в качестве обвиняемого превращает его в субъекта уголовно-правового отношения»³¹. Однако этот факт делает его только субъектом уголовно-процессуального отношения. Приговор, вступивший в законную силу, если осужденный невиновен, есть противоправный приговор, он не создает уголовно-правовых отношений, прав и обязанностей, он нарушает права и потому согласно закону должен быть отменен³². Он создает не право государства применять наказание и обязанность невинно осужденного отбыть наказание, а право невинно осужденного требовать отмены этого приговора и обязанность государства его отменить. Неправильно считать субъектом уголовного правоотношения не государство, а различные его органы, ибо хотя вступивший в законную силу приговор действительно создает у органов, его исполняющих, обязанность выполнять его, но это вовсе не означает, что в данном случае возникает уголовное правоотношение.

Л. С. Явич совершенно правильно пишет, что «наличие уголовного закона и факт совершения преступления не влекут наказания. Это возможно только на основе приговора суда, представляющего собой акт применения нормы права к данному конкретному случаю»³³. Однако это ни в какой мере не означает, что приговор суда является юридическим фактом, создающим уголовное правоотношение. Он лишь констатирует наличие такого правоотношения. Так же обстоит дело и в других отраслях права. Возможность взыскания причиненного неправомерным действием ущерба и определенный размер взыскания становятся реальными только в момент вступления в законную силу решения суда. Однако гражданское правоотношение возникло в момент причинения ущерба, и именно это является юридическим фактом,

²⁴ См.: В. И. Курляндский. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия, стр. 19; М. Маринов. По некоей выпросы на наказательного правоотношение... «Правка мысль», 1965, № 5, стр. 35; П. Бояджиев. Содержание на наказательного правоотношение. «Правка мысль», 1966, № 3, стр. 78; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, стр. 215.

²⁵ См.: В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права, стр. 162.

²⁶ См.: А. Л. Ривлин. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях. «Правоведение», 1959, № 2, стр. 109; Я. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, стр. 17–18.

²⁷ См.: Ион Оанча. Некоторые замечания по вопросу уголовного правоотношения. В сб.: Вопросы уголовного права стран народной демократии. М., ИЛ, 1963, стр. 202–203. – Его мнение, изложенное здесь, однако, противоречит тому, что Ион Оанча пишет на стр. 206–208.

²⁸ См.: П. Е. Недбайло. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959, стр. 99.

²⁹ См.: В. Г. Смирнов. Правоотношения в уголовном праве. «Правоведение», 1961, № 3, стр. 96.

³⁰ См. Б. С. Маньковский. Към въпроса за правоотношенията в социалистического наказателно право. «Правна мисъл», 1957, № 2, стр. 7.

³¹ Я. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском праве, стр. 21.

³² Рассматриваемые здесь и далее вопросы об уголовном правоотношении правильно решает Н. А. Беляев (см.: Н. А. Беляев. Предмет советского исправительно-трудового права. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 19).

³³ Я. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, М., Госюриздат, 1961, стр. 137.

вызвавшим соответствующее правоотношение, – суд лишь констатировал наличие юридического факта, вытекающего из него правоотношения и размер подлежащего удовлетворению иска.

§ 3. Задачи советского уголовного права

Задачей советского уголовного права является охрана от преступных посягательств советского общественного и государственного строя, личности человека, его политических и имущественных прав, социалистической собственности и всего социалистического правопорядка.

На протяжении всех лет существования Советской власти уголовное право выполняло активную роль в перестройке общественных отношений в нашей стране. В период до ликвидации эксплуататорских классов уголовное право играло активную роль в подавлении свергнутых классов внутри страны, оно содействовало выполнению функции обороны страны от нападения извне и охраны социалистической демократии, социалистической законности и социалистической собственности, а также хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе нашего государства.

После ликвидации эксплуататорских классов социалистическое уголовное право содействовало и содействует выполнению функции охраны социалистической системы хозяйства, социалистической демократии, социалистической законности, социалистической собственности и социалистического правопорядка, оно продолжает активно содействовать выполнению Советским государством функции защиты страны от военного нападения со стороны империалистических держав и борьбы за мир, а также его хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе.

Советское уголовное право охраняет права и интересы советских граждан, служит средством борьбы с изменниками Родины, вредителями, расхитителями социалистической собственности, спекулянтами, взяточниками, грабителями, ворами, хулиганами и другими преступниками. Конкретные задачи советского уголовного права могут сейчас быть правильно решены только в соответствии с теми установками, которые даны в решениях, принятых XX, XXII и XXIII съездами КПСС.

Советский народ осуществил грандиозные преобразования, которые дали нашей стране возможность приступить к строительству коммунистического общества. Новые задачи нашего развития требуют от всех советских людей высокой организованности и дисциплины, строгого соблюдения законов и иных норм поведения. В этих условиях неизмеримо повышается роль советского законодательства в решении задач Советского государства во всех областях государственного, хозяйственного и культурного строительства.

Борьба с преступностью, ее предупреждение и искоренение могут осуществляться только при широком и активном участии общественности. Люди, совершающие преступления, составляют в нашем обществе ничтожную часть, и если на них воздействовать не только мерами, установленными законом, но и всей силой общественного мнения, то эти совместные усилия государственных органов и общественности дадут положительные результаты в ближайшее время.

В период строительства коммунистического общества элементы принуждения в деятельности органов государственной власти должны постепенно уступать место культурно-воспитательной и разъяснительной работе. Принуждение никогда не являлось главным методом в деятельности социалистического государства, поэтому сейчас его сфера еще более сужается. Оно используется против агентуры, засылаемой империалистическими государствами, а также против воров и жуликов, расхитителей общественной собственности, тунеядцев, злостных хулиганов, убийц и других антиобщественных элементов³⁴.

³⁴ См.: Речь М. А. Суслова. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенограф, отчет, т. II. Госполитиздат, 1959, стр. 361.

§ 4. Принципы советского уголовного права

Принцип – это основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки и т. д. По определению С. С. Алексеева, «принципы права – это выраженные в праве руководящие начала, характеризующие его содержание»³⁵. Общие принципы С. С. Алексеев иначе называет общими социально-политическими началами социалистического права и относит к ним: 1) начала социалистической организации (построения общественных отношений); 2) социалистический демократизм; 3) социалистический интернационализм; 4) социалистический гуманизм; 5) сочетание общественных и непосредственно личных интересов; 6) сочетание убеждения и принуждения; 7) социалистическую законность и 8) руководящую роль Коммунистической партии³⁶.

Задачи, стоящие перед советским уголовным правом, могут и должны быть решены путем использования специфических, используемых только в уголовном праве средств – угроза применения и применение наказания на основе принципов, установленных в советском законе, выработанных советской наукой уголовного права и судебной практикой. Эти принципы: социалистическая законность, пролетарский интернационализм, социалистический гуманизм, социалистический демократизм, личная ответственность только при наличии вины – соответствуют моральным требованиям самого передового класса современности – пролетариата и интересам всех трудящихся и содействуют прогрессивному развитию общества.

1. *Принцип законности* находит свое выражение в том, что никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и подвергнут наказанию иначе как за деяние, содержащее состав преступления, предусмотренный уголовным законом, а уголовное наказание может быть применено только по приговору суда в соответствии с законом.

Социалистическая законность – это конституционный принцип Советского государства, заключающийся в том, что все органы государственной власти, должностные лица, общественные организации и граждане в своей деятельности обязаны точно и неуклонно исполнять законы и основанные на них подзаконные акты.

Принцип законности в советском уголовном праве есть одно из важнейших условий обеспечения интересов государства и трудящихся. Как указывается в ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик, «правосудие в СССР имеет своей задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР».

Лишь при условии стабильности советского уголовного закона уголовное право сумеет осуществить поставленную перед ним задачу защиты от всяких посягательств:

а) закрепленного Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественного и государственного строя Союза ССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности;

б) политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов граждан СССР, гарантированных Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик;

в) прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Партия и правительство решительно пресекают малейшее проявление пренебрежительного отношения к закону, ибо это есть попытка подорвать основы советской социалистической

³⁵ С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права, вып. 1. Свердловск, 1963, стр. 150.

³⁶ См. там же, стр. 156–160.

законности, и нарушения закона, в чем бы они ни выражались и кем бы они ни совершались, нельзя оставлять незамеченными.

За последние годы ЦК КПСС и Советское правительство осуществили ряд важных мер по укреплению социалистической законности. Благодаря этим мерам полностью восстановлен ленинский, подлинно демократический принцип социалистической законности, который является одной из важнейших основ советской государственности. Укрепление законности и правопорядка в нашей стране сопровождается усовершенствованием законодательства.

2. *Принцип пролетарского интернационализма*, как идеология и политика международной солидарности рабочих и всех трудящихся, находит свое выражение в советском уголовном законодательстве в том, что караются особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся (ст. 10 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления). Этот принцип находит свое выражение и в том, что пропаганда или агитация, направленные на возбуждение расовой или национальной вражды или розни, а равно прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности рассматриваются как преступление и влекут за собой уголовную ответственность (ст. 11 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления). Он нашел свое выражение в Законе о защите мира, выражающем лучшие чаяния всего человечества, и в наказуемости пропаганды войны, в какой бы форме она ни велась (ст. 8 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления), а также в положении, что «преступления против государственной или общественной собственности других социалистических государств, совершенные в отношении их имущества, находящегося на территории РСФСР», караются как преступления, направленные против социалистической собственности (ст. 101 УК РСФСР).

3. *Принцип социалистического демократизма* выражается в советском уголовном праве, в равенстве всех перед законом независимо от пола, нации и расы. В отличие от буржуазного уголовного законодательства, где установлено формальное равенство, но фактически существует дискриминация отдельных рас и национальностей (например, негры в США, Южной Африке и т. д.) и неравенство женщин, в СССР обеспечивается фактическое равенство всех перед уголовным законом.

4. *Принцип социалистического гуманизма*, выражающийся в заботе о благе людей, человечности, уважении человеческого достоинства, состоит в том, что советское уголовное право имеет своей целью охрану интересов всех советских граждан, всего социалистического общества, что наказание в советском уголовном праве не преследует цели причинить физические страдания осужденному или унижить его человеческое достоинство. Гуманизм репрессии в социалистическом обществе определяется тем, что наказание ставит перед собой не цели возмездия, а в подавляющем большинстве случаев только задачу исправления преступника, возвращения его в общество. Гуманизм советского уголовного права находит свое выражение и в том, что деяние, которое формально содержит в себе признаки состава преступления, не влечет за собой наказания, если оно по своей малозначительности не представляет общественной опасности.

5. *Принцип личной ответственности только виновного* находит свое выражение в том, что общественно опасное деяние, влекущее за собой по закону наказание, карается только при наличии вины, а виновным признается лишь тот, кто совершил преступление умышленно или по неосторожности. На этом принципе в уголовном праве основано положение, что уголовную ответственность может нести только человек вменяемый, достигший определенного, установленного в законе возраста. Цели советского уголовного права могут быть достигнуты только тогда, когда ответственности подлежит лишь то конкретное лицо, которое виновно в совершении общественно опасного действия (преступления). Советское уголовное право не признает ответственности за чужое деяние, поэтому исключается ответственность юридических лиц,

родителей за детей и детей за родителей, супругов друг за друга и т. д. На основе этого принципа советское уголовное право исключает возможность объективного вменения.

По вопросу о принципах советского уголовного права в литературе имелись и имеются и другие точки зрения. Отсутствие единства в разрешении вопроса о принципах социалистического права в литературе как по общей теории права, так и по уголовному праву в значительной мере объясняется, очевидно, тем, что отдельные авторы не разграничивают понятий «принцип», «цель», «функция», «задача» и т. д.³⁷

Этот вопрос в прошлом рассматривался в основном в учебниках Общей части уголовного права. Так, Я. М. Брайнин в лекциях по Общей части уголовного права, изданных в 1955 г., пишет о принципах социалистического демократизма и гуманизма, пролетарского интернационализма, советского патриотизма, социалистической законности, индивидуализации уголовной ответственности и наказуемости³⁸. А. А. Герцензон в учебнике Общей части советского уголовного права 1959 г. писал не о принципах, а об идеях пролетарского интернационализма, советского патриотизма, социалистического гуманизма и социалистической законности³⁹. В учебнике Общей части уголовного права 1960 г. в качестве принципов уголовного права рассматривались социалистическая законность, пролетарский интернационализм, социалистический демократизм, социалистический гуманизм и личная ответственность только виновного⁴⁰. В учебниках, вышедших в 1962 (Н. Д. Дурманов) и в 1964 гг. (П. И. Гришаев и Б. В. Здравомыслов), авторы говорят о принципах социалистического демократизма, социалистической законности, социалистического гуманизма, пролетарского интернационализма и патриотизма⁴¹.

Н. И. Загородников различает общие принципы советского уголовного права, к которым он относит: 1) социалистический демократизм; 2) социалистическую законность; 3) социалистический гуманизм и 4) социалистический интернационализм, – и специальные принципы советского уголовного права: 1) решительную, последовательную и всестороннюю охрану политических, экономических, национальных завоеваний трудящихся, осуществляющих под руководством КПСС строительство коммунистического общества; 2) личную и виновную ответственность; 3) участие представителей народа в применении норм уголовного закона и исполнении наказания или иных мер, заменяющих его; 4) предупреждение преступлений и 5) совпадение отрицательной уголовно-правовой и моральной оценки действий, признаваемых преступлением⁴².

Кроме принципа личной и виновной ответственности, ни одно из перечисленных Н. И. Загородниковым понятий вообще не подпадает под понятие принципа. Охрана политических и других завоеваний трудящихся – это не принцип уголовного права, а задача всей советской правовой системы. Участие представителей народа в применении норм уголовного закона относится к уголовному процессу и частично к исправительно-трудовому праву (как комплексной отрасли). Предупреждение преступлений – это также не принцип, а задача. Совпадение отрицательных оценок морали и права (хотя и не абсолютное) не может быть признано принципом, а является объективным свойством социалистической системы права, вытекающим из морально-политического единства народа в условиях социалистического общества.

³⁷ См.: О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, стр. 288 и сл.

³⁸ См.: Я. М. Брайнин. Советское уголовное право. Общая часть. Изд. Киевского гос. ун-та, 1955, стр. 12–18.

³⁹ См.: Советское уголовное право. Общая часть. М., Госюриздат, 1959, стр. 9–11.

⁴⁰ См.: Советское уголовное право. Часть Общая. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 10–13.

⁴¹ См.: Советское уголовное право. Часть Общая. М., Госюриздат, 1962, стр. 10–15, и Советское уголовное право. Часть Общая. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 9–12.

⁴² См.: Н. И. Загородников. Принципы советского социалистического уголовного права, «Советское государство и право», 1966, № 5, стр. 65–74.

§ 5. Уголовное право в системе права

Уголовное право занимает особое место в системе права. Государственное, административное и гражданское право регулируют охраняемые государством общественные отношения. Уголовное право регулирует только те общественные отношения, которые возникают при нарушении охраняемых государством общественных отношений.

Определяя посредством государственного, административного и гражданского права систему угодных и выгодных господствующему классу общественных отношений, государство только тогда может обеспечить эту систему как правовую, когда при их нарушении оно применяет принудительные меры.

Всякое нарушение закрепленных правом общественных отношений представляет общественную опасность, однако степень этой опасности различна. Из этого вытекает различие метода охраны общественных отношений. В наименее опасных случаях нарушения общественных отношений государство ограничивается мерами, имеющими своей целью восстановление нарушенного права, в более опасных случаях оно применяет такие меры, цель которых – воздействие на нарушителя, а также и на других, склонных к нарушению права лиц для предупреждения нарушений права в дальнейшем.

Объективное различие между преступлением, гражданским правонарушением, дисциплинарным проступком и административным нарушением заключается в степени их общественной опасности. Оценка степени общественной опасности деяния дается законом, и тем самым определяется характер применяемой меры принуждения.

От других основных отраслей права уголовное право отличается кругом регулируемых им общественных отношений и специфическим методом их регулирования.

1. От гражданского уголовного право отграничивается тем, что оно регулирует последствия наиболее опасных для государства правонарушений. Государство восстанавливает нарушенное право во всех областях общественной жизни, однако в случае правонарушений, ответственность за которые предусмотрена уголовным правом, оно считает необходимым, кроме восстановления нарушенного права (тогда, когда это возможно), применять в отношении лиц, совершивших правонарушения, также и меры для предупреждения совершения подобных действий в будущем. Меры наказания, применяемые на основе уголовно-правовых положений, могут быть определены только судебными органами, и лишь применение их влечет за собой судимость.

2. Меры принуждения применяются также и административным правом. Административные меры тоже имеют превентивный характер, однако они отличаются от уголовно-правовых тем, что применяются за менее опасные для общества нарушения, а по своему характеру являются менее тяжкими и судимости не создают.

Г. И. Петров совершенно правильно указывает на то, что различия между административным и уголовным правом вытекают «из различий преступлений и проступков по степени вреда, который они наносят обществу»⁴³.

Авторы даже последних изданий учебников уголовного права ограничиваются сугубо формальной констатацией факта, что «уголовное право имеет существенные отличия от административного права, регулирующего исполнительную и распорядительную деятельность органов советского государственного управления, и гражданского права, регулирующего социалистические имущественные отношения обладателей имущества и личные неимущественные отношения в социалистическом обществе»⁴⁴.

⁴³ Г. И. Петров. Советское административное право. Изд. Лгу, 1960, стр. 16.

⁴⁴ Советское уголовное право. Часть Общая. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 17–18. – В учебнике «Советское

С. Ф. Кечекьян полагает, что «границу между гражданской и уголовной неправдой нельзя установить, исходя из общих теоретических соображений. Она дается наличием или отсутствием в тех или иных деяниях состава преступления, наказуемостью тех или иных деяний. Эту границу определяет закон»⁴⁵. Такое положение неправильно. Существуют объективные основания для отнесения тех или иных деяний к числу уголовно наказуемых, т. е. образующих состав преступления, и установления ответственности за их совершение в уголовном законе. Конечно, уголовное правоотношение, как и всякое правоотношение, возникает лишь при наличии юридической нормы, которая связывает права и обязанности, а в уголовном праве – применение наказания с определенным юридическим фактом – составом преступления, но выделение составов преступлений из числа других правонарушений возможно и необходимо, потому что, во-первых, эти правонарушения более общественно опасны, чем другие правонарушения, и, во-вторых, с этими правонарушениями можно и целесообразно бороться путем применения мер уголовного наказания.

Поэтому неправ В. Г. Смирнов, который полагает, что «характер правонарушений не может служить критерием для разграничения советского права на отдельные отрасли»⁴⁶. Именно характер правонарушения объективно определяет метод правового регулирования, а значит, и то правоотношение, которое лежит в основе разграничения отраслей права.

Правильно утверждение В. Г. Смирнова, что «лишь уголовному законодательству свойственно *исключительное* (курсив наш. – Авт.) регулирование отношений, возникающих вследствие совершения правонарушений, тогда как, например, гражданское административное законодательство непосредственно регулирует прежде всего отношения, возникающие вследствие правомерных действий или событий»⁴⁷.

Но как гражданское, так и административное право предусматривают совершение правомерных действий лишь в диспозициях соответствующих норм, а основанием возникновения правоотношений, предусмотренных санкциями, и в этих отраслях права является правонарушение. Таким образом, уголовное право действительно отличается от других отраслей права кругом регулируемых общественных отношений и вытекающим из этого методом правового регулирования, а то, что входит в круг названных общественных отношений, определяется в первую очередь степенью общественной опасности правонарушения, которое является юридическим фактом, служащим основанием для возникновения этих правоотношений.

3. Судебные органы в процессе своей деятельности по рассмотрению уголовных дел руководствуются уголовно-процессуальными законами.

Уголовное право регулирует отношения, возникающие между государством и лицом, совершившим преступление. Оно устанавливает общие положения уголовной ответственности, составы преступлений и назначаемые за них наказания. Уголовный процесс регулирует отношения, возникающие между государственными органами и гражданами в связи с разрешением вопросов о том, было ли в конкретном случае совершено преступление, кто его совершил и какое должно быть назначено виновному наказание.

Уголовный процесс по отношению к уголовному праву подчинен диалектике соотношения содержания и формы. Это, конечно, не исключает того, что уголовный процесс имеет свое специфическое содержание⁴⁸. К. Маркс писал: «...материальное право... имеет свои *необходимые, присущие ему процессуальные формы*... Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных – с мясом и кровью животных. *Один и тот же дух* должен одушевлять судебный процесс

уголовное право. Часть Общая» (М., Госюриздат, 1962) вопрос о разграничении отраслей права вообще не ставился.

⁴⁵ С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе, стр. 181.

⁴⁶ В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права, стр. 48.

⁴⁷ В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права, стр. 48.

⁴⁸ См.: С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права, вып. 1, стр. 230.

и законы, ибо процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно, проявление его внутренней жизни»⁴⁹.

По определению М. С. Строговича, «советский уголовный процесс есть установленная законами Советского государства система действий органов следствия (дознания), прокуратуры и суда и правовых отношений этих органов с гражданами, на которых распространяется их деятельность, а равно отношений этих органов друг с другом при расследовании и разрешении уголовных дел. Эта система действий и правоотношений обеспечивает осуществление задач социалистического правосудия по уголовным делам: охрану Советского государства и советского правопорядка от преступных посягательств путем изобличения, осуждения и наказания совершивших преступления лиц и выполнение судом его воспитательной задачи»⁵⁰.

4. Исправительно-трудовое право регулирует отношения, возникающие при отбывании осужденным наказания между ним и органами государственной власти, приводящими наказание в исполнение. Исправительно-трудовое право имеет важнейшее значение для правильной организации борьбы с преступностью.

По вопросу о месте исправительно-трудового права в системе права и о его соотношении с уголовным правом в советской литературе имеются три точки зрения:

а) одни авторы рассматривают исправительно-трудовое право как часть (подотрасль) уголовного, поскольку оно, по их мнению, регулирует те же общественные отношения и тем же методом, что и уголовное право⁵¹;

б) другие авторы определяют исправительно-трудовое право как «совокупность правовых норм, регулирующих все стороны деятельности исправительно-трудовых учреждений»⁵², и рассматривают его, таким образом, как отрасль, которая охватывает не только нормы уголовного, но и нормы административного, гражданского и процессуального права. Такого же мнения придерживаются А. Л. Ременсон и В. Г. Смирнов⁵³. Исправительно-трудовое право действительно является комплексной отраслью, которая, естественно, выходит за рамки уголовного права;

в) значительная группа специалистов по исправительно-трудовому праву рассматривает исправительной трудовое право как самостоятельную отрасль социалистического права⁵⁴. Так, М. А. Ефимов определяет советское исправительно-трудовое право как «совокупность юридических норм, регулирующих исполнение мер уголовного наказания исправительно-трудового характера и установленных Советским государством в целях исправления и перевоспитания правонарушителей в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». Однако исправительно-трудовое право нельзя рассматривать как самостоятельную отрасль права, так как оно ни содержанием регулируемых общественных отношений, ни методом их регулирования не отличается от основных отраслей права (уголовного, гражданского, административного, процессуального).

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 158.

⁵⁰ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, стр. 20–21; см. также: П. С. Элькин. Сущность советского уголовно-процессуального права, стр. 90.

⁵¹ См.: И. В. Павлов. О системе советского права. «Советское государство и право», 1958, № 11, стр. 16. – Таким было раньше и мнение автора этой главы (см.: Советское уголовное право. Часть Общая. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 16). Однако и тогда я указывал, что, как комплексная дисциплина, исправительно-трудовое право выходит за рамки уголовного права.

⁵² Е. Г. Ширвиндт и Б. С. Утевский. Советское исправительно-трудовое право. М., Госюриздат, 1957, стр. 27.

⁵³ См.: В. Г. Смирнов. Правоотношения в уголовном праве. «Правоведение», 1961, № 3, стр. 98; Его же. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования), стр. 29; А. Л. Ременсон. О месте советского исправительно-трудового права в системе советского права. Труды Томского гос. ун-та, т. 162, 1963, стр. 121–132.

⁵⁴ См.: Н. А. Стручков. Советское исправительно-трудовое право. М., Госюриздат, 1961, стр. 13–17; Н. А. Беляев. Предмет советского исправительно-трудового права, стр. 61; М. А. Ефимов. Основы советского исправительно-трудового права. Свердловск, 1963, стр. 7.

Эта отрасль права регулирует разные общественные отношения, делает она это различными методами, создавая различные правоотношения, что и дает основания для того, чтобы рассматривать исправительно-трудовое право как комплексную отрасль, важную и необходимую для систематики законодательства, нуждающуюся в самостоятельных юридических актах, но не входящую в систему права⁵⁵.

⁵⁵ См.: О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, стр. 346–361.

§ 6. Предмет и система науки уголовного права

I. Наука советского уголовного права изучает преступление и наказание как правовые явления в их историческом развитии, советское уголовное законодательство и практику его применения⁵⁶.

Наука уголовного права прежде всего изучает все вопросы, непосредственно составляющие предмет уголовного законодательства. Это необходимо для обеспечения и укрепления социалистической законности и является обязательным условием правильной и соответствующей интересам государства и граждан работы органов юстиции. Кроме того, наука уголовного права изучает те философские проблемы, знание которых является предпосылкой марксистского решения конкретных вопросов судебной практики и советского законодательства: в первую очередь проблемы причины и следствия, необходимости и случайности, свободы и необходимости и ряд других.

Исходя из того, что «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (р) лишь в связи с другими; (у) лишь в связи с конкретным опытом истории»⁵⁷, наука уголовного права изучает уголовное право в процессе его возникновения и развития. Однако если в двадцатые и тридцатые годы в работах советских криминалистов гипертрофировались социологические и уголовно-политические моменты и недооценивалось значение логического изучения действовавшего права, то в дальнейшем, с конца тридцатых годов, уголовно-правовые проблемы не исследовались с социологической точки зрения и научная литература была построена почти исключительно на анализе действовавшего законодательства и судебной практики.

Между тем советская наука уголовного права не может «ограничиться одним лишь юридическим аспектом исследования преступления и наказания, а должна всесторонне изучить преступление и меры борьбы с ним, выяснить социальную природу преступления, социально-политическую значимость борьбы с отдельными видами преступлений. Поэтому юридический аспект должен сочетаться с социологическим»⁵⁸.

Наука уголовного права обязательно должна изучать также социальные проблемы преступности и личности преступника, хотя они и не могут быть отражены в Уголовном кодексе⁵⁹. Даже изучение Особенной части уголовного права не может сводиться лишь к вопросу о правильной квалификации, а должно касаться и таких проблем, как движение преступности, состав преступников, структура преступности и т. д. Наука уголовного права служит не только для учебных целей и судебной практики, но и для помощи в законодательной деятельности, а без изучения указанных проблем она эту функцию выполнить не в состоянии. Изучение этих вопросов очень важно также для практики борьбы с преступностью.

XXII съезд КПСС и Программа партии поставили задачу обеспечить «искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих»⁶⁰. Это требует в первую очередь всестороннего изучения причин преступности. Зна-

⁵⁶ «Одной из главных областей исследования в области науки уголовного права и в настоящее время является преступление и его санкция как явления права» (Антал Фоньо. Карательная политика и наука государства и права. «Acta Juridica», 1964, т. 6, вып. 3–4, стр. 433).

⁵⁷ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 49, стр. 329.

⁵⁸ Советская криминология. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 13.

⁵⁹ «Другую сторону сферы предмета науки уголовного права составляют вопросы преступности вместе с государственными и общественными средствами борьбы с преступностью» (Антал Фоньо. Карательная политика и наука государства и права. «Acta Juridica», 1964, т. 6, вып. 3–4, стр. 433).

⁶⁰ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенограф, отчет, т. III, Госполитиздат, 1962, стр. 307.

чительную долю работы в этой области должна осуществить наука советского уголовного права.

Наука советского уголовного права в широком смысле – это одна из социальных общественно-политических наук, имеющая своей целью борьбу с преступностью, а в дальнейшем и полную ликвидацию преступности в коммунистическом обществе.

Для выполнения этой задачи наука уголовного права разрабатывает теоретические проблемы, решение которых необходимо для наиболее рационального выбора государственных и общественных мер борьбы с преступностью (анализирует причины преступности, вырабатывает меры профилактики преступности, изучает эффективность наказания). С этой целью изучаются также вопросы истории уголовного законодательства и история науки уголовного права. На основе данных науки уголовного права разрабатывается уголовное законодательство.

Задачей науки уголовного права является также разработка теоретических проблем, необходимых для правильного, в соответствии с волей законодателя, применения норм уголовного права в судебной практике. Этой цели служит учение об уголовном законе, учение о преступлении и, в частности, об основаниях ответственности и составе преступления, учение о применении наказания и т. д.

II. Преступление и наказание, изучение которых является основным содержанием науки уголовного права, есть явления классовые и исторические. Они возникают вместе с появлением классов и государства и вместе с ними прекратят свое существование.

Первобытнообщинный коллектив не знал, а завершённое коммунистическое общество не будет знать уголовного права. Это не значит, что во внеклассовом обществе невозможны отдельные эксцессы. В. И. Ленин писал: «Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления... коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут *отмирать* ». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство»⁶¹.

Однако эксцессы во внеклассовом обществе – не преступления, а реакция общества на эти эксцессы – не наказание как определенная форма общественных отношений. Действие, опасное для общества, только тогда становится преступлением, когда оно направлено против отношений, охраняемых господствующим классом, меры принуждения только тогда принимают характер наказания, когда они применяются государством в интересах господствующего класса.

Карательные функции внутри страны уже сейчас резко сократились, и они будут сокращаться впредь. В соблюдении правил социалистического общежития все более важную роль призваны играть товарищеские суды и подобные им самостоятельные органы, которые должны наряду с государственными учреждениями выполнять функции охраны общественного порядка и прав граждан, предупреждать проступки, наносящие вред обществу. Однако полное отмирание государства и прекращение всех его функций, в том числе и функции борьбы с преступностью, произойдут лишь при полной победе коммунизма.

И при коммунизме останутся некоторые общественные функции, аналогичные теперешним государственным функциям, но характер и способы их осуществления будут иные, чем на современной стадии развития. Конечно, и при коммунизме сохранится необходимость общественного воздействия в отношении отдельных лиц, совершающих действия, представляющие опасность для общества, однако эта функция утратит свой политический характер и будет осуществляться путем непосредственного народного управления.

⁶¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 33, стр. 91.

III. Наказание, как и преступление, есть явление историческое и классовое. Термин «наказание» применяется не только в праве и не только в уголовном праве, но и в других областях общественной жизни: например, термин «наказание» упоминается в Уставе партии, где указывается на то, что «высшей мерой партийного наказания является исключение из партии» (ст. 9).

Наука уголовного права изучает только наказание, которое применяется государством через судебные органы за совершенное преступление. Оно возникает на определенной ступени развития человеческого общества вместе с государством и классами и носит классовый характер.

Активная роль уголовного права осуществляется в значительной мере путем применения наказания и угрозы наказанием, что, конечно, не исключает, а предполагает активно-воспитательную роль определенных уголовно-правовых норм.

IV. Отвергая исторический и классовый характер преступления, некоторые буржуазные авторы пытались определить преступление как деяние антиморальное, безнравственное. Не вызывает, конечно, сомнений, что между преступлением как действием, опасным для господствующего класса, и моралью господствующего класса имеется известная связь, однако такое определение антинаучно и не дает правильного понятия преступления.

В эксплуататорском обществе нет единой морали. Ф. Энгельс писал: «...каждый из трех классов современного общества, феодальная аристократия, буржуазия и пролетариат, имеет свою особую мораль...»⁶²

Деяние, нравственное с точки зрения буржуазной морали, может быть безнравственно с точки зрения пролетариата. Но если в эксплуататорском обществе сосуществуют разные морали различных классов, то оно имеет только одно право, а поскольку преступление есть правовое понятие, постольку оно не может в эксплуататорском обществе быть основано на морали, ибо никакой единой морали в эксплуататорском обществе нет; но и морали эксплуататоров далеко не всегда соответствует то, что понимается под преступлением в действующем праве, и это вынуждены признавать даже буржуазные авторы.

Такого мнения придерживался, в частности, крупнейший русский буржуазный криминалист Н. С. Таганцев: «Преступное не может и не должно быть отождествлено с безнравственным; такое отождествление, как свидетельствуют горькие уроки истории, ставило правосудие на ложную стезю, вносило в область карательной деятельности государства преследование идей, убеждений, страстей и пороков, заставляло земное правосудие присваивать себе атрибуты суда совести».

«Действие, вполне правомерное, – пишет Таганцев, – может быть тем не менее глубоко безнравственным. Внешняя набожность как средство обмана, раздача милостыни из-за получения ордена не будут заключать ничего преступного, но можно ли признать эти деяния нравственными? Наоборот, воровство, учиненное единственно с целью оказать помощь лицу, глубоко нуждающемуся, спасти другого от нравственного падения, будет деянием наказуемым, но всегда ли заклеим мы учинившего его эпитетом безнравственного человека?»⁶³

Один из крупнейших английских криминалистов Д. Ф. Д. Стиффен спрашивал: «Признает ли право какую-либо систему нравственности за истину и как именно?» – и отвечал: «Право не утверждает ничего подобного, оно не имеет никакого дела до такой истины».

Право есть система исключительно практическая, изобретенная и поддерживаемая в видах известного существующего в действительности состояния общества... Право вполне

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 95.

⁶³ Н. С. Таганцев. Русское уголовное право, т. 1. Спб., 1902, стр. 38–40.

независимо от всякой нравственной философии», и хотя суд «ссылается беспрестанно на нравственные чувства», но это делается «ради известных особенных целей»⁶⁴.

В марксистском понимании мораль не противопоставляется праву и не отождествляется с ним, хотя признается их взаимная связь, а в известных условиях и взаимозависимость. Если в условиях капиталистического общества преступление часто не признается аморальным поступком, даже с точки зрения морали господствующего класса, то иначе решается этот вопрос в условиях социалистического общества. Морально-политическое единство советского народа служит основой для одинаковой моральной оценки общественно опасных действий всеми советскими гражданами. В социалистическом обществе право само является выражением морали.

Как правило, всякое преступное деяние в условиях социалистического общества аморально, но не всякое аморальное действие достигает такой степени общественной опасности, при которой требуется вмешательство права. Большое число деяний, признаваемых социалистической моралью безнравственными, не влечет за собой уголовной ответственности (например, пьянство, беспорядочная половая жизнь, азартные игры и т. п.).

V. Как уголовное законодательство, так и наука уголовного права разделяются на Общую и Особенную части. Такое деление уголовного права возникло сравнительно недавно. Еще до XVIII в. действовали отдельные уголовные законы, определявшие конкретные преступления и предусматривавшие применение за них конкретных наказаний. Дальнейшее развитие науки уголовного права привело к выделению ряда общих институтов, относящихся в равной мере ко всем преступлениям (стадии преступной деятельности; соучастие; обстоятельства, исключающие уголовную ответственность; виды наказания и его задачи и т. д.), в самостоятельную часть уголовного права. Таким образом возникло разделение как законодательства, так и науки уголовного права на Общую часть, рассматривающую эти общие институты, и Особенную часть, где рассматриваются конкретные преступления и установленные за них наказания.

⁶⁴ Д. Ф. Д. Стиффен. Уголовное право Англии. СПб., 1866, стр. 116.

§ 7. Наука уголовного права и смежные науки

Наука уголовного права охватывает широкий круг вопросов, многие из которых являются столь значительными, что преподавание и научное изучение выделяют их в самостоятельные дисциплины.

I. По вопросу о соотношении *уголовного права и криминологии* теоретически возможны три точки зрения.

Если исходить из того, что уголовное право и криминология – это одна наука, что на современной стадии развития наука уголовного права не только занимается логическим анализом норм уголовного законодательства, но и превратилась в социальную науку, имеющую своим предметом изучение преступности и методов борьбы с нею, то внутри этой позиции возможны два решения вопроса:

1. Криминология является составной частью науки уголовного права. В пользу этого можно привести тот довод, что криминология возникла внутри науки уголовного права в процессе ее развития. Так, А. А. Герцензон полагает, что «советская криминология – один из центральных отделов советской науки уголовного права, имеющий своим содержанием комплекс вопросов, связанных с решением задачи полного искоренения преступности путем сочетания государственных и общественных предупредительных мер в условиях развернутого строительства коммунистического общества. Для решения этой центральной задачи советская криминология изучает преступность и вызывающие ее причины и условия, а также личность преступника и разрабатывает систему мер, направленных на предупреждение преступности»⁶⁵. Из этого следует, что А. А. Герцензон рассматривает криминологию как составную часть уголовного права, занимающуюся только вопросами, связанными с предупреждением преступности.

М. И. Ковалев также полагает, что «советская криминология – раздел науки советского уголовного права, посвященный изучению причин преступности, условий и обстоятельств, способствующих совершению преступлений, разработке форм и методов ее предупреждения»⁶⁶.

2. Наука уголовного права является составной частью криминологии. В пользу этого положения можно привести то, что уголовное право ставит перед собой более узкие задачи, чем криминология. Криминология изучает преступность и все методы борьбы с нею (в том числе и профилактику преступности), а уголовное право в узком смысле этого слова изучает борьбу с преступностью только путем применения наказания.

3. Более правильным является мнение, что уголовное право и криминология – это самостоятельные науки. Как уголовное право, так и криминология, имея общие задачи (борьбу с преступностью), в то же время изучают в основном сейчас разные предметы различными конкретными методами. Уголовное право занимается отдельными преступлениями, а криминология изучает преступность в целом; уголовное право исследует нормы законодательства методом логического анализа, криминология – различными социологическими методами⁶⁷.

⁶⁵ А. А. Герцензон. Предмет, метод и система советской криминологии. М., Госюриздат, 1962, стр. 8–9.

⁶⁶ М. И. Ковалев. Советская криминология и ее место в системе юридических наук. «Правоведение», 1965, № 1, стр. 136. – В буржуазной литературе криминологию определяют как науку, исследующую реальные (объективные) явления, связанные с совершением преступления и борьбой с преступностью (Ernst Seelig. Traité de criminologie. Paris, 1956, p. 14. – Перевод книги, вышедшей в ФРГ в 1951 г.). Один из наиболее известных современных буржуазных криминологов Жан Пинатель утверждает, что «криминология и уголовное право составляют в своей природе две самостоятельные дисциплины, однако взаимосвязанные, скорее даже связанные узлом солидарности. Их развитие возможно только тогда, когда они находят опору одна в другой» (Jean Pinatel. Traité de droit pénal et de criminologie, t. III. Criminologie. Paris, 1963, p. VII).

⁶⁷ Для выполнения задач, стоящих в области борьбы с преступностью в период завершения строительства социализма и построения развитого коммунистического общества, необходимо создать комплексную дисциплину, изучающую преступность как общественное явление, дисциплину, имеющую не только свои собственный предмет, но и соответствующую методологию,

Криминология находится на стыке двух самостоятельных наук – уголовного права и социологии. Многие понятия, разработанные уголовным правом, необходимы криминологии, и она не может без них обойтись (преступление, вина, вменяемость, возраст, с которого возможна уголовная ответственность, круг наказуемых деяний, виды наказаний и т. д.). В то же время методы изучения и круг привлекаемого материала в криминологии резко отличаются от методов уголовного права и заимствуются из социологии (статистическое изучение, анкетное обследование, привлечение психологического материала и т. д.). Таким образом, сейчас происходит процесс становления новой самостоятельной науки, находящейся на грани двух других уже давно существующих наук, что характерно вообще для развития современной науки (молекулярная биология, физическая химия и т. д.).

А. А. Герцензон прав, что советская наука уголовного права «не может сводиться лишь к юридическому анализу норм уголовного законодательства, а должна решать стоящие перед ней проблемы целостно, комплексно, в сочетании юридического и социологического анализов исследования»⁶⁸. Однако это не исключает того, что криминология является самостоятельной наукой, о которой тот же А. А. Герцензон пишет как о новой отрасли советской общественной науки.

Как правильно считают А. Д. Берензон и В. Е. Эминов, «только выделение советской криминологии в самостоятельную научную отрасль, не замкнутую в рамки уголовного права, позволит с необходимой глубиной и всесторонностью выявить и исследовать все формы и средства борьбы с преступностью для окончательной ее ликвидации»⁶⁹.

Такой же точки зрения придерживается Н. А. Стручков, утверждая, что «предмет криминологии выходит за рамки предмета науки уголовного права». По его мнению, «криминология, основываясь на положениях социологии, а также принимая во внимание принципы уголовной ответственности, в конечном итоге преследует ближайшую цель выработки эффективных мер борьбы с преступностью, как лежащих за пределами уголовной ответственности, так и относящихся к ее сфере»⁷⁰. Против признания криминологии частью уголовного права высказывается и Б. С. Утевский⁷¹.

Дальнейший процесс развития разделит эти две науки, и каждая из них будет иметь самостоятельное значение вне зависимости от того, будут ли они изучаться в вузах совместно или отдельно. Однако в настоящее время, на первом этапе этого развития, чрезвычайно важно включать в процесс изучения уголовного права криминологическое (социологическое) исследование вопросов. Дальнейшее развитие криминологии, как самостоятельной науки, приведет к тому, что наука уголовного права будет лишь пользоваться выводами криминологических исследований для решения своих специальных задач. Этим руководствуются авторы, пытаясь по-новому построить настоящий курс.

II. *Уголовная статистика* – это отрасль статистики, ставящая своей основной целью учет преступлений, рассматриваемых органами суда и расследуемых органами следствия, и мероприятий по борьбе с этими нарушениями⁷².

Без изучения статистики преступлений и наказаний невозможно организовать борьбу с преступностью и правильно решать кодификационные проблемы.

которая в известной мере отлична от конкретных форм методологии науки уголовного права и уголовного процесса (см.: Вацлав Лахуот. К вопросу о научном изучении преступности. В сб.: Вопросы уголовного права стран народной демократии. М., ИЛ, 1963, стр. 156).

⁶⁸ А. А. Герцензон. Введение в советскую криминологию. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 32.

⁶⁹ А. Д. Берензон, В. Е. Эминов. Развитие советской криминологии в самостоятельную науку. «Правоведение», 1965, № 1, стр. 147.

⁷⁰ Н. А. Стручков. О комплексной разработке проблем уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового права. «Правоведение», 1965, № 1, стр. 132.

⁷¹ См.: Б. С. Утевский. Социологические исследования и криминология. «Вопросы философии», 1964, № 2, стр. 46–47.

⁷² См.: С. С. Остроумов. Советская судебная статистика. М., 1952, стр. 51.

III. Практическое применение уголовного права требует определенных технических способов, дающих возможность наиболее полно раскрывать совершенные преступления.

Выполнению этой важнейшей задачи содействует *криминалистика* – «наука о специальных приемах и методах обнаружения, собирания, фиксации и исследования доказательств, применяемая для раскрытия преступлений», используемая для розыска и опознания преступников.

IV. Важное значение в комплексе уголовно-правовых дисциплин имеют две медико-юридические науки: судебная медицина и судебная психиатрия.

Судебная медицина – это наука, предметом которой являются медицинские и биологические проблемы, необходимые для расследования и рассмотрения дел следственными и судебными органами. Вопросы, связанные с расследованием многих преступлений, в первую очередь преступлений против личности (убийство, телесные повреждения, половые преступления и т. д.), а также и с другими преступлениями и вопросами уголовного права (например, установление возраста при отсутствии документов), требуют специальных медицинских познаний и разрешаются органами юстиции на основе данных судебной медицины по заключениям судебно-медицинских экспертов.

V. *Судебная психиатрия* – это отрасль психиатрии, занимающаяся изучением психопатологии для разрешения вопроса о вменяемости и невменяемости субъекта преступления.

VI. *Психология* – это наука о закономерностях психики.

В области уголовного права исследование психологических проблем необходимо: 1) при изучении субъективной стороны преступления (проблемы сознания, воли, цели, мотива, деяния, оценки и т. д.); 2) при выяснении причин конкретного преступления; 3) при выяснении специфических особенностей психологии отдельных категорий преступников (рецидивистов, алкоголиков, наркоманов, психопатов, сексуальных преступников и т. д.); 4) при избрании правильных методов исправительного воздействия на отдельных преступников и 5) при изучении психологического аппарата воздействия наказания на преступников и на окружающих. Специальное значение имеет также изучение психологии несовершеннолетних преступников (детей и подростков).

VII. *Кибернетика*. По определению Н. Винера, основоположника кибернетики, кибернетика – это «теория управления и связи в машинах и живых организмах»⁷³. Кибернетика, как пишет У. Росс Эшби, занимается координацией, регулированием и управлением⁷⁴, т. е. отношениями, которые в социальной жизни современного общества непосредственно связаны с регулирующей ролью права. По мнению В. Кнаппа, «кибернетика – это математическая наука, имеющая, разумеется, философские корни, которая занимается количественной (в марксистском понимании количества) стороной управления и саморегулирующих систем»⁷⁵.

Элементарные возможности для науки права и практической юридической деятельности в области уголовного права, связанные с возможностью использования кибернетических машин, сейчас вряд ли у кого-нибудь вызывают сомнения, тем более что такие машины уже практически применяются для систематизации действующего законодательства, учета судимости, для дактилоскопии и для идентификации личности преступника, а также и для решения более сложных задач в области квалификации конкретного преступления и кодификации⁷⁶. Однако это только применение кибернетической техники. Кибернетика же изучает в абстракт-

⁷³ Н. Винер. Кибернетика. М., «Советское радио», 1958, стр. 23. – Винер сам занимался вопросом о праве с кибернетической точки зрения (см.: Н. Винер. Кибернетика и общество. М., ИЛ, 1958, стр. 112–118).

⁷⁴ См.: У. Росс Эшби. Введение в кибернетику. М., ИЛ, 1959, стр. 13.

⁷⁵ В. Кнапп. О возможности использования кибернетических методов в праве. М., «Прогресс», 1965, стр. 23.

⁷⁶ См.: Д. А. Керимов. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М., Госюриздат, 1960, стр. 206 и сл.; В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений. М., Госюриздат, 1963, стр. 155–160; В. Чугунов, Г. Горский. Вопросы методологии на конкретно-социологических исследованиях в правоте. «Правна мысль», 1965, № 3.

ной форме свойства и закономерности функционирования различных систем управления, независимо от материального субстрата этих систем, и устанавливает объективные закономерности, имеющие важнейшее значение для теории права⁷⁷. Эти научные данные кибернетики, а также теории информации, обратной связи, теории игр и моделирования и др. необходимо использовать для дальнейшего развития науки уголовного права, криминологии и исправительно-трудового права. По мнению В. Кнаппа, кибернетические методы прежде всего можно применить в теории государства и права как средство познания государства и права, а также использовать кибернетические машины «для руководства обществом при помощи права»⁷⁸.

⁷⁷ См.: М. Д. Шаргородский. Объективное и субъективное в праве. В сб.: Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. Харьков, 1962, стр. 13.

⁷⁸ В. Кнапп. О возможности использования кибернетических методов в праве, стр. 13.

§ 8. Метод науки уголовного права

Метод науки социалистического уголовного права – метод диалектического материализма, единственно научный метод изучения действительности. Метод марксистской диалектики в его конкретном применении к науке уголовного права требует изучения преступления и наказания как общественных явлений в их органической связи с конкретными условиями действительности, в их движении и развитии, в их возникновении и отмирании. Метод диалектического материализма дает возможность установить коренное отличие как по форме, так и по содержанию советского уголовного права от уголовного права эксплуататорского общества и понять, что уголовное право есть явление классовое и историческое.

Руководствуясь методом диалектического материализма, советские юристы изучают как форму, так и внутреннее содержание норм, исследуют эти нормы в их развитии, вскрывая их обусловленность общественными отношениями, их действительное содержание, причины, вызвавшие их издание, политические задачи, которые ставит перед собой Советское государство в борьбе с отдельными преступлениями.

«На первый план важно выдвинуть не исследование права, так сказать, в рамках самого права, не анализ правовой формы как таковой, хотя это, несомненно, серьезная задача, а исследование того, как право воздействует на отношения людей, на ход общественного прогресса. Взаимодействие правовой нормы с общественным отношением, с объективными закономерностями общественного развития – вот центральная проблема советской юриспруденции»⁷⁹.

Для буржуазного уголовного права наиболее характерным является формально-догматический метод исследования. Авторы, изучающие право этим методом исходят из возможности познания права из самого себя. К. Маркс об этом направлении в буржуазной юридической науке писал: «...правовые отношения... не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа... они коренятся в материальных жизненных отношениях...»⁸⁰

Отрывая изучение отдельных уголовно-правовых норм от их реального экономического и политического содержания, буржуазные юристы скрывают действительное, классовое, эксплуататорское, угнетательское, антинародное содержание буржуазного уголовного права. Ограничиваясь догматическим, формальным изучением чисто технических отличий одних норм уголовного права от других, буржуазная юриспруденция маскирует классовый характер уголовного права, отказывается от изучения экономических, социальных, политических причин, вызывающих наказуемость тех или других деяний и определяющих правильность применения соответствующих норм. При использовании этого метода изучение общественных явлений подменяется изучением отвлеченных понятий, а буржуазное уголовное право фетишизируется, и поэтому такой метод как лженаучный непригоден для марксистской науки уголовного права.

Ревизионисты утверждают, что догматический метод, под которым они понимают систематическое усвоение конкретных правовых положений, существует как специфический метод для правовых наук наряду с методом диалектического материализма. По их мнению, метод диалектического материализма не отрицает других методов, а включает и использует все, что в них имеется положительного.

Логическая разработка нормативного материала или систематическое усвоение конкретных правовых положений действительно необходимо в науке права с использованием как законов формальной, так и законов диалектической логики, но это, как и конкретизация диалек-

⁷⁹ Юридическая наука в условиях коммунистического строительства. «Коммунист», 1963, № 16, стр. 30–31.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6.

тического метода в определенных отраслях науки, вовсе не противоречит тому, что научное исследование правовых проблем должно быть основано только на методе диалектического материализма.

Марксисты не отрицают специфичности применения диалектического метода в конкретных науках. Метод диалектического материализма, применяемый для изучения физики, биологии и правовых наук, в каждой из этих областей исследования обладает специфическими особенностями. Однако из этого вовсе не следует, что догматический метод является специфическим для правовой науки и что он может применяться марксистской правовой наукой наряду с методом диалектического материализма. Догматический метод чужд методу диалектического материализма, он обоснованно отвергнут марксистско-ленинской наукой права и неприемлем для действительно научного исследования⁸¹.

В последние десятилетия широкое распространение в буржуазной науке уголовного права получил позитивистский эмпирический метод. Микросоциологические исследования отдельных случаев проводят многие криминологи, стоящие на позитивистских, фрейдистских и других подобных позициях.

Современная буржуазная теория права во многих случаях отказывается и от формально-догматического метода исследования, который связан с сохранением элементов буржуазной законности. Отдельные буржуазные авторы сейчас отрицают вообще возможность построения какой-либо системы права и логического толкования закона. На смену системе буржуазного права, которая в какой-то мере гарантировала подсудимого от произвола буржуазного суда, пришла система права, рекомендуемая полный отказ от общих норм и рассмотрение каждого конкретного случая вне связи с предыдущим и последующим.

Решительно отбрасывая антинаучный, порочный, формально-догматический метод изучения, советская наука уголовного права вовсе не исключает необходимости самого тщательного изучения норм советского уголовного права, его институтов, составов преступлений.

Советская наука отвергает и позитивистский микросоциологический метод, отказывающийся от научного познания и объяснения явлений в целом и ограничивающийся одним лишь эмпирическим описанием и анализом отдельных случаев. Советская наука ставит перед собой задачу изучения преступности как социально-классового явления, ее причин и объективных закономерностей.

Одним из конкретных методов, применяемых при изучении уголовного права, является метод сравнительно-правового исследования. Он требует не только сравнения однородных институтов уголовного права в первую очередь в различных социалистических странах, но и главным образом изучения причин, значения и последствий идентичности и различий этих институтов. Нужно согласиться с авторами, утверждающими, что «при сравнительном исследовании институтов, принадлежащих к разнотипным правовым системам, особое значение приобретает выявление правильного соотношения между несущественными и основными сторонами, признаками сравниваемых объектов, между элементами, хотя и общими, но не существенными, и теми ведущими принципами, которые как раз и характеризуют противоположность исследуемых правовых объектов»⁸².

Одним из конкретных методов, применяемых при изучении уголовного права, является метод конкретно-социологического исследования. Конкретно-социологическое исследование – это одна из форм социальных исследований, имеющая в области уголовного права своей задачей изучение роли конкретных уголовно-правовых институтов в процессе общественного взаимодействия. Конкретно-социологический метод исследования дает возможность анали-

⁸¹ Следует согласиться с польским ученым, специалистом по теории права Станиславом Эрлихом, что «догматика права – это не наука теоретическая и не наука практическая, это вообще не наука» (S. Ehrlich. O tak zwanej dogmatyce prawa. *Studia z teorii prawa*, Warszawa, PAN, 1965, str. 16).

⁸² В. П. Казимирчук. Право и методы его изучения. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 101.

зировать эффективность действующих уголовно-правовых норм и прогнозировать на основе предыдущих исследований целесообразность намечаемых новых уголовно-правовых норм и, следовательно, облегчает возможность оптимального разрешения вопросов уголовно-правового законодательства. Конкретно-социологические исследования необходимы также для изучения причин и условий, вызывающих преступление, и для разработки мер борьбы с ними.

Поставленная партией задача научно обоснованного разрешения всех вопросов общественной жизни требует повышения качества научной работы в области уголовного права и устранения элементов субъективизма и волюнтаризма в борьбе с преступностью.

Уголовный закон⁸³

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Источники уголовного права

- § 1. Понятие источника уголовного права
- § 2. Уголовный закон
- § 3. Подзаконные акты
- § 4. Судебная практика
- § 5. Обычай
- § 6. Источники международного уголовного права

Глава II. Система и структура уголовного закона

- § 1. Общее построение уголовного законодательства
- § 2. Система Общей части Уголовного кодекса
- § 3. Система Особенной части Уголовного кодекса
- § 4. Диспозиция
- § 5. Санкция
- § 6. Техника уголовного законодательства
- § 7. Терминология уголовного закона

Глава III. Действующее советское уголовное законодательство

- § 1. Союзное и республиканское законодательство
- § 2. Союзное уголовное законодательство
- § 3. Республиканское уголовное законодательство
- § 4. Вспомогательные и дополнительные источники действующего советского уголовного права

Глава IV. Толкование уголовного закона

- § 1. Толкование закона в истории права
- § 2. Толкование уголовного закона в теории буржуазного права
- § 3. Установление текста закона
- § 4. Средства толкования
- § 5. Грамматическое толкование
- § 6. Логическое толкование
- § 7. Объем толкования
- § 8. Органы, толкующие законы

Глава V. Аналогия

- § 1. Понятие аналогии
- § 2. Аналогия в истории уголовного права
- § 3. Аналогия в буржуазной теории уголовного права
- § 4. Применение аналогии в буржуазном праве
- § 5. Аналогия в теории советского уголовного права

⁸³ Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. М., 1948.

§ 6. Применение аналогии в действующем советском уголовном праве

Глава VI. Действие уголовного закона

§ 1. Действие уголовного закона во времени

§ 2. Обратное действие уголовного закона

§ 3. Действие уголовного закона в пространстве в истории права

§ 4. Территориальный принцип

§ 5. Понятие территории

§ 6. Экстерриториальность

§ 7. Действие уголовного закона в федеративном государстве

§ 8. Национальный принцип

§ 9. Реальный принцип

§ 10. Универсальный принцип

§ 11. Международные конвенции

§ 12. Право убежища

§ 13. Выдача преступников

Глава I

Источники уголовного права

§ 1. Понятие источника уголовного права

I. Вопрос об источниках уголовного права имеет важнейшее значение как для разработки и разрешения вопросов теории советского уголовного права, так и для судебной практики. Однако разработка этого вопроса в науке советского уголовного права сталкивается со значительными трудностями, так как в общей теории права этот вопрос окончательно не разрешен и поэтому та база, на основе которой должна была бы разрабатываться проблема источников социалистического уголовного права, недостаточна.

Понятие источника уголовного права, как и источника права вообще, один из весьма сложных и спорных вопросов теории права.⁸⁴

Исторически термин «источник права», по утверждению ряда авторов, был впервые применен Титом Ливием, который называет закон XII таблиц «источником всего публичного и частного права».⁸⁵

Сложность этого вопроса в значительной мере объясняется тем, что один и тот же термин применяется сейчас, как применялся и ранее, для обозначения различных понятий.

Так, Шершеневич писал: «Различные формы, в которых выражается право, носят издавна название источников права. Термин этот представляется, однако, малопригодным ввиду своей многозначности. Под этим именем понимаются: а) **силы**, творящие право, например, когда говорят, что источником права следует считать волю бога, волю народную, правосознание, идею справедливости, государственную власть; в) **материалы, положенные в основу того или другого законодательства**, например, когда говорят, что римское право послужило источником для германского гражданского права, труды ученого Потье – для Французского кодекса Наполеона, Литовский статут – для Уложения Алексея Михайловича; с) **исторические памятники**, которые когда-то имели значение действующего права, когда говорят о работе по источникам, например, по *Corpus juris civilis*, по Русской Правде и т. п.; d) **средства познания** действующего права, например, когда говорят, что право можно узнать из закона».⁸⁶

II. Многообразие значений термина «источник права» имеет место и в советской юридической литературе – как в литературе по вопросам теории права, так и в уголовно-правовой литературе.

Голунский и Строгович указывают на то, что «в обычном словоупотреблении источником какого-либо явления называется та сила, которая **создает это явление, призывает его к жизни**», и с этой точки зрения они считают, что «источником права является государственная власть, при помощи права выражающая волю господствующего класса», соответственно «источником социалистического права является диктатура рабочего класса, выражающая волю всего трудового народа социалистического государства». Одновременно они указывают и на то, что «понятие источника права имеет и иное юридическое значение», и определяют, что «способы закрепления правил поведения, которым государство придает правовую силу, именуются

⁸⁴ «Понятие источника права принадлежит к числу наиболее неясных в теории права» (Кечекьян С. Ф. О понятии источников права. Ученые записки. МГУ. Вып. 116; Труды юридического факультета. Кн. 2. С. 3).

⁸⁵ Тарановский О. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 167; Шершеневич Г. В. Общая теория права. М., 1911. С. 369.

⁸⁶ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 368–369. См. также: Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М., 1915. С. 73–91.

источниками права в юридическом смысле».⁸⁷ Профессор Герцензон, указывая на общее понятие источника уголовного права – волю господствующего класса, пишет: «В социалистическом государстве рабочих и крестьян диктатура пролетариата является источником уголовного права», но он также указывает, что «специальное понятие источника уголовного права значительно уже: оно охватывает способы, посредством которых государство придает обязательную силу нормам, обеспечивающим применение к совершителям преступлений мер уголовного наказания».⁸⁸

Мы находим в нашей литературе и большое число других определений для понятия источника права. Профессор Вильнянский, почти точно воспроизводя значение источника права, указанное Шершеневичем, различает: а) источники права в материальном смысле – ту силу, которая творит право, и б) источники права в формальном смысле – те формы, в которых выражается общеобязательность норм, и материалы, из которых можно ознакомиться с правом, т. е. источники познания права.⁸⁹

Профессор Александров считает, что «под источником права следует понимать те факты, которые непосредственно обуславливают отличие правовых социальных норм от неправовых и определяют таким образом специфику права».⁹⁰ По мнению профессора Кечекьяна, «источник права в материальном смысле – это причины, обусловившие содержание права, источник права в формальном смысле – причина юридической обязательности норм», при этом «источником права в материальном смысле являются в конечном счете материальные условия жизни общества... а материальными условиями жизни общества... определяется содержание воли господствующего класса, следовательно, и содержание норм права», источником же права в формальном смысле слова являются «особые формы выражения воли, придающие тем или иным правилам значение норм права».⁹¹

При всем этом многообразии определений термина «источник права» нетрудно увидеть, что в основном речь идет во всех этих определениях о двух основных понятиях: а) **о содержании** права, о силе, которая создает право, и это называют источником права в материальном смысле, или общим понятием источника права, и б) **о форме**, которая придает норме правовой, т. е. общеобязательный характер – формальное или специальное понятие источника права.

В советской теории права мы сталкиваемся в настоящее время по этому вопросу с двумя точками зрения: одна, которой придерживается подавляющее большинство авторов, как мы видели выше, состоит в том, что источником права в материальном смысле является государственная власть, воля господствующего класса. По мнению же профессора Кечекьяна, представляющего вторую точку зрения, «источником права в материальном смысле являются в конечном счете материальные условия жизни общества».⁹² Однако такое отнесение источника права к базису общественных отношений отличается тем недостатком, что оно уничтожает разницу между источником правовых норм и источником любых других неправовых норм, регулирующих общественные отношения. Материальные условия жизни общества являются источником не только права, но и всего комплекса неправовых обычаев, морали. Особенностью источника права является то, что это – закрепленная государственной властью воля господствующего класса, чего не наблюдается в отношении других норм, ибо **только** правовые нормы получают государственную санкцию. Поэтому, говоря об источнике права в материальном смысле, недостаточно говорить только о воле господствующего класса, ибо, как правильно

⁸⁷ Голунский С. А., Строгович М. С. Общая теория права. М., 1946. С. 173.

⁸⁸ Гэрцензон А. А. Уголовное право. Общая часть. М., 1946. С. 35.

⁸⁹ Вильнянский С. И. К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права. 1939. № 4–5. С. 62.

⁹⁰ Александров Н. Г. Понятие источника права. Ученые труды ВЮОН. М., 1946. Вып. VIII. С. 51.

⁹¹ Кечекьян С. Ф. О понятии источников права. Ученые записки МГУ. Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн. 2. С. 3–5.

⁹² Там же. С. 3.

пишет профессор Кечекьян, «существуют правила поведения, выражающие собой волю господствующего класса и тем не менее не составляющие норм права. Таковы нормы морали, правила социалистического общежития».⁹³ Источником права является, таким образом, государственная власть, выражающая волю господствующего класса (источник права в материальном смысле).

Для того чтобы то или иное правило приобрело значение нормы права, необходимо, чтобы воля господствующего класса была выражена в особой форме.

Эти определенные формы, в которых норма должна найти свое выражение, чтобы стать нормой права, и являются источником права (источник права в формальном смысле).

III. Для того чтобы определенная норма могла быть признана источником права, она должна иметь обязательный характер и быть обеспечена силой государственного принуждения.

Для каждой исторической эпохи характерны свои формы выражения источника права, при этом существует не одна форма, а несколько. Обычно эти формы, в которых выражалось право, называли «источником права».

В Риме источником права были законы в форме: 1) *leges* и *plebescita*, 2) *senatus consulta*, 3) *edicta magistratum*, 4) *constitutiones principum* и 5) *responsa prudentium*, а также обычное право «*Nos igitur jus nostrum constat aut ex scripto, aut sine scripto*» (Ulpian, L. 6, § 1, D. I, см. также L 32, § 1, Dig. 1,3).

В Средние века с падением монархии Каролингов действуют как закон, так и обычное право.

Различные источники уголовного права действуют и сейчас. Наиболее крупные особенности в отношении круга источников уголовного права имеются в Англии, США и других странах, которые пользуются английским общим правом (*common law*).

«*Common law* – это право, выработанное судьями. В основе его применения лежит фикция, что оно является общепризнанным или общепринятым. Однако в действительности это не просто обычное право, а судебное-обычное право (*case law*), основанное на судебных прецедентах. Раз состоявшееся судебное решение, устанавливающее какое-либо правовое положение или толкующее какие-либо противоречивые законы, дающее ответы на вопросы, не предусмотренные законом, становится образцом, которому затем следуют другие судьи при сходных фактических обстоятельствах».⁹⁴

Энгельс, характеризуя *common law*, пишет, что это «**обычное право** (*common law*), т. е. неписаное право, как оно существовало к тому времени, с которого начали собирать статуты, и позже было собрано юридическими авторитетами (это право, конечно, в главнейших своих статьях неопределенно и сомнительно...»⁹⁵ В Англии весьма распространенным является мнение, что судьи создают право (*judge made law*), а *common law* в значительной степени есть право, родившееся из рассмотрения конкретных случаев – *case law*.⁹⁶

Иногда прямо пишут о законодательной компетенции английских судей.

Common law является юридической основой консерватизма английского права, оно в значительной мере передает разрешение конкретных правовых вопросов из рук парламента в руки судей, принадлежащих к английской аристократии и английской буржуазии. Вместе с тем *common law* создает базу для произвола, так, например, как указывает Демченко, «в

⁹³ Кечекьян С. Ф. О понятии источников права. С. 4. – Он пишет также: «...нормы права обязательны к обеспечению государственным принуждением, потому что они в определенной форме выражают волю господствующего класса».

⁹⁴ Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии. М., 1937. С. 11.

⁹⁵ Энгельс Ф. Английская конституция; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. II. С. 387.

⁹⁶ Виноградов пишет: «Англо-американское общее право является по преимуществу правом, выработанным судьями. Подобное право можно также назвать казуальным правом, ибо оно формулируется не в виде общих, относящихся к будущему постановлению, а в виде решений, вызываемых тем или другим отдельным делом. Такой процесс формулирования норм влечет за собой несколько характерных последствий... нельзя провести никакого другого различия между этим «Общим правом» и «Обычным правом»» (Очерки по теории права. С. 106).

большинстве случаев, которые были серьезно рассматриваемы с точки зрения common law судья мог бы без всякого упрека для своей честности или для своего суда постановить решение, прямо противоположное тому, которое он дал».⁹⁷

Ввиду особого значения судебного прецедента в Англии уже с XII в. началась запись решений по судебным делам. С 1189 г. ведутся свитки судебных дел (Plea Rolls). Затем стали издаваться так называемые Reports – частью рукописные, частью печатные ежегодники (Jearbooks), издаваемые с конца XII в. до 1535 г. С 1833 г. до 1864 г. они выходили под названием «The law Journal Reports», с 1864 г. это издание стало называться «The law Reports».⁹⁸

Кроме common law, для английского главным образом гражданского права имеет весьма важное значение также и обычай custom и usages.⁹⁹ Однако сейчас основным источником уголовного права в Англии является статутное право – отдельные законы, издаваемые также в течение многих столетий.¹⁰⁰ К началу XIX в. в Англии таких актов по вопросам уголовного права накопилось много тысяч, что создавало чрезвычайные трудности для пользования ими и для текущей судебной работы. Энгельс указывал на то, что «**статутное право...** состоит из бесконечного ряда отдельных парламентских актов, собиравшихся в течение пятисот лет, которые взаимно себе противоречат и ставят на место “правового состояния” совершенно бесправное состояние».¹⁰¹

В результате такой системы или, вернее, отсутствия всякой системы, в Англии закон «настолько запутан и неясен, что ловкий адвокат всегда найдет лазейки... Адвокат здесь все; кто очень основательно потратил свое время на эту юридическую путаницу, на этот хаос противоречий, тот всемогущ в английском суде».¹⁰²

Попытки разработки единого уголовного кодекса, несмотря на неоднократные проекты, до настоящего времени не увенчались успехом. Начиная с 1827 г., имеет место лишь процесс частичной консолидации уголовного законодательства по отдельным вопросам (Criminal Law Act 1827-7-8 Geo, 4, с. 28). Основные консолидированные акты были изданы в 1827–1832 гг. и в особенности в 1861 г., когда были изданы объединенные законы о преступлениях против личности (Offences against the person Act. 1861-24-25 Viet, с. 100) и имущественных преступлениях (Larceny Act, 1861-24-25 Viet, с. 96). В 1916 г. был издан общий статут о кражах, заменивший 73 ранее действовавших статута (Larceny Act, 1916-17 Geo, 5, с. 50).

Определенную роль в английском уголовном праве играют парламентские билли, а также правительственные распоряжения тайного совета, центральных правительственных органов, отдельных ведомств, иногда обязательные постановления муниципалитетов, а также судебные правила, наказания.

В английском праве и до настоящего времени сохранило также значение каноническое право.¹⁰³

В других западноевропейских государствах общим положением являлось то, что уголовным законом может быть только принятый при участии народных представителей юридиче-

⁹⁷ Демченко. Судебный прецедент. Варшава, 1903. С. 56.

⁹⁸ Stephen. Commentaries on the laws of England. T. I. P. 23–25.

⁹⁹ По Стифену, usages «a particular course of dealing customary in a particular occupation or department of business life» (T. I. P. 31).

¹⁰⁰ По определению Стифена, статут «an express and formal laying down of a rule of rules of conduct to be observed in the future by the persons to whom the statute is expressly or by implication made applicable» (T. I. P. 296).

¹⁰¹ Энгельс Ф. Английская конституция; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. II. С. 387.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Thus, this part of ecclesiastical law may be said to be of not part of the common law in the stricter sense, yet judge made or case law (Stephen. T. I. P. 35).

ский акт (Gesetz – закон в формальном смысле) и обоснованное на законе предписание исполнительной власти (Verwaltungs – Vorschrift – указ).¹⁰⁴

Имели место в законодательной практике, однако, случаи, когда законом устанавливались **уголовные нормы, а заполнение содержания норм**, диспозиции, передавалось другому органу. Это так называемые бланкетные нормы.

¹⁰⁴ Kohler A. Deutsches Strafrecht. Leipzig, 1917. S. 76.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.